

84/2Рес-Р3с-4т
А69 4Б

Михаил Анохин

Моззиде

г. Прокопьевск, 2010

84(2)Вс=Рус-4Рем)6
А68 4В
22

**Михаил
Анохин**

0504636

**СТРАНИЦЫ
ПАМЯТИ**

(избранное)

г. Прокопьевск, 2010

О. Прокопьевская ЦБС
Центральная
библиотека

842 Рос 6-5
В25

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ
(избранное)

Михаил Анохин

Компьютерная верстка
Леонтьев Е.В.

Отпечатано в
ОАО «Прокопьевское полиграфическое производственное объединение»
653000, г.Прокопьевск, пр.Шахтеров, 4
тел. 61-27-98, 61-28-29
Заказ № 3618 Тираж 300 экз.

Страницы Памяти. М.Анохин

*Автор выражает
искреннюю признательность
директору ООО «Вита-плюс»
Заречневу Ивану Николаевичу,
за оказанную финансовую помощь
в издании книги.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тридцать с лишним лет тому назад в Алтайском книжном издательстве, по итогам зонального семинара вышла «кассета» стихов поэтов-семинаристов. В этой «кассете» была и моя книжка, называлась она «Первая ступень». С той поры стихи отдельным изданием не выходили.

В этой книжке я расположил избранные стихи, насколько было возможно, в хронологическом порядке. Время их написания охватывает период от 60-тых годов прошлого столетия по 2010 год.

ЧЕЛОВЕК РАСТЁТ НА КРАЮ ЛЕСА

Да, человек растёт всю жизнь. Как дерево в том лесу. И нет среди них (среди нас) двух одинаковых пихт или берёз. Иное дерево поднимается в исполина и небо подпирает кроной. Иное скукожится в чьих-то тенях: годовых колец пажито много, а толку с него на одну растопку для печи.

Часто дерево израстается несколькими стволами. Не сообразишь, где главный. То ли этот – формальная биография труженика-семьянина. То ль тот неформатно-публичный, депутатско-общественный, буйно-ораторский. Или всё ж сей скромник, возникший из почки творчества и призвания и приютивший на ветвях своих разноцветное семейство птиц-песен.

При внешней несовместимости, кажущейся беспорядочности и неплановости жизненных и творческих сюжетов, составляющих Михаила Анохина как человека и писателя, он – цельная личность, естественная и искренняя в своих делах и мыслях. Что, понятно, отражается в его стихах.

Может быть, более чем в прозе или публицистике, которой он, как и стихотворчеством, занимается всю жизнь. Проза – что-то такое от ума. Она, как правило, придумывается и продумывается. Последовательно, тщательно, с сознательной детализацией. Изощряется фабульными ходами и как бы зрительными образами.

Публицистика вообще штука рациональная. Тем более у Анохина. Ею движет осязающая мысль, ощупывание, выяснение явления, соотношение его с другими. Соотношение себя с мудрецами иных народов и времён. Обозначение собственного места в этом мире.

Страницы Памяти. М.Анохин

Стихи – иное. Это чувство, которому, как известно, не прикажешь. Почему не нравится та тщательно продуманная красавица: локон к локону, декольте до талии, стрелочка на чулке, облегающем не кривую ножку? А эта – простая и родная. Что тут решает: блеск взгляда, ответная к тебе тяга, некие флюиды, ныне называемые «ферромонами»? Не будем стараться разьять чувство на составляющие. Как написался стих, пусть таким и будет.

Не ведаю, да и не интересовался, какими принципами руководствовался поэт, выбирая стихи для своей книжки. По-видимому итоговой – ведь он работает в литературе много-много лет и начинал в ранней молодости как стихотворец. Возможно, нет никаких принципов. Этот нравится. Этот нет. И ладно. Главное, что любой в биографию ложится. Соединяет в одну крону, в одну судьбу три побега-дерева. Стихи читаются как биография современника. Эмоциональная биография. В отличие от тех, что изложены в анкетах и произошли в событиях жизни.

Борис Пастернак, переводя какого-то грузинского поэта, кажется, Табидзе, написал более собственные, нежели заёмные, строки: «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут меня. И жизни ход сопровождает их...».

Готов предположить, что стихи или, поднимая выше, ПОЭЗИЯ вели Михаила Анохина по этой жизни. Уверен, часто спасая её мерзостей и даже удерживая где-то на краю. Который перейти и пройти в нечеловека, ох, как просто. Удержала мать-муза и спасибо ей, что удержала.

**Член союза писателей России
Василий ПОПОК**

* * *

Ветер сидел на крыше,
что-то мне пел в трубу...
В углу – шебарчали мыши
и месяц ловил сову.
Закончились догонялки,
когда наступил рассвет.
Стремительно мчатся санки
в неполных двенадцать лет.

* * *

Мама, погляди
 сколько цветов!
Это жарки – алая кровь.
Землю согреют –
 в землю уйдут
 другие цветы
 этого ждут.

Что ж ты
 схватила за руки меня?
Я не боюсь
 уходящего дня.
Есть время цветенья
 и время плодов.
Легкого пенья
 и выбора слов.
Это моё...
Но принять не хочу,
 то, что ты часто
 приходишь к врачу.

Мама не надо!
Мама – не плачь!
Видишь
 идет к тебе лечащий врач!

* * *

Вечер придет и уйдет
снова захлопнется дверь.
Милая,
время летит,
верная - слову не верь!
Снова полоска зори,
как полотно кумача.
Может быть
губы твои
кровью напишет зоря?

* * *

Проходите,
а я не замечаю.
И день и ночь —
всё сон и сон, и сон!
По отчеству вас
тайно величаю,
а вам кажусь, то жалок, то смешон.
Не стою я ни жалости не смеха!
Но вы мне проходите стороной!
Я — шут для вас.
Вы, для меня, как эхо!
Пусть дольше продолжается потеха!
Как вы смеетесь
честно надо мной!

* * *

Видишь небо в краске синей-синей
наслаждайся песней журавлиной.
Клином к горизонту рвется стая
над полями хлеба пролетая.
Вот последний круг – привет прощальный
улетают с песнею печальной.
Сердце переполнилось тоскою -
это лето встретилось с зимою.
Веки паутиночкой прикрыты...
Не узнал,
но Вы меня простите.

* * *

Разрыв-траву найду
и разорву печаль.
Не вспоминай меня -
мне ни чего не жаль.
Горит закат - кровав.
О, это кровь души!
Ты говоришь:
- Не прав.
А кто же прав, скажи?
Разрыв-траву найду
с ней настою вино
и на беду свою
я стану пить его.
Я потерял тебя,
но нет забвенья
нет!
Не зря разрыв-травы
так ядовит твой цвет!

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Вот и выпит кубок чувства.
Листья желтые летали...
Осенью одна капуста
отвердеет, крепче стали.
Остальное - всё живое,
заберется в свои норы,
в свои дупла,
в свои склепы,
хитроумны и не слепы.
Лишь волкам, да лисам бегать,
воробью под стрехой греться.
Мне - в трубе печной услышать
эхо
розового детства.

* * *

Огромное алое солнце катилась по горным вершинам и алый туман оторваться не мог от зазубренных скал. Нас ждали на перевалах взнесенные к солнцу недра, где синие флюориты прячут от нас вольфрам. Мы словно плывем в тумане, лопаты плывут и кайла. Огромная тяжесть планеты притягивается к плечам. Тропы здесь не пробиты, мы наотмашь рубим кустарник и ягоды волчей - ярость, царапает нам лицо. Когда зажигаю лампочку в своей городской квартире, огромное алое солнце плывет над моей головой. Я терпкость зеленой хвои, и соль на губах ощущаю, и хочется к перевалу, чтоб властвовать над собой.

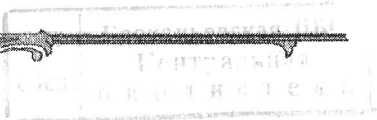
* * *

Сеют тучи сквозь сита
 легковесный снежок
мне дорога открыта на далекий Восток.
В кассе много билетов:
 синий, желтый – любой,
 только нет мне ответа,
 где купить голубой?
Голубых,
 почему-то на Восток не дают,
 но ведь утро-то
 утро начинается тут?

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Прежде камень кололи,
потом этот камень калили
в цилиндрических печах,
что крутятся на боку.
Я, ей богу,
нигде не встречал столько дыма
и пыли!
Я отхаркать её до сих пор не могу.
Шлют муку мукомольни
на выпечку хлеба,
а из камня мука
на огромное тело плотин
и на стены домов,
устремленных к лучистому небу...
Да, мы дорого платим
за этот
вещественный мир.

0504838

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

А комета летела
похоже в объятья Земли...
И о ней говорили везде,
где могли.
Заклучали пари
закупали, кто спички, кто соль...
Я один – полоумный
шептал ей:
- Ассоль, О, Ассоль!
Хоть комета плыла по газетной реке
под названьем иным,
я ходил и в тоске повторял:
- Мне тебя предсказал еще Грин!
Я с тоскою глядел
как плыла ты – крылатая мгла!
Из-за облачных сфер
я услышал слова:
- Обнаженная боль,
в беспредельных мирах
не ищи
ту, земную Ассоль –
алый парус души.

* * *

Застонало дерево украдкой,
тучи заходили над землею.
Ты склонилась молча над кроватью.
Я, сегодня, расстаюсь с тобою.
В небе месяц прыгал от восторга,
желтым, новорожденным ягненком.
Воробьи вернулись поздно с торга,
разделили зерна с вороненком.

* * *

Земля вращается - на встречу солнцу.
И всё меняется,
всё подчиняется
закону - солнца!
Кругами сходитья с планетой ближней
и вновь, как водиться,
они расходятся
знать кто-то лишний.
И в жизни так же,
порой,
случается:
проходят около,
а не встречаются.
Быть может рядом,
быть может - эта?
С любовью сходитя
и вновь расходится
моя планета!

* * *

Дужи застыли до сладкого хруста,
ночью в полях коченела капуста.
То и осталось,
что ночью,
спросонок
В стылую раму стучался
подсолнух.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Бывает час, когда гроза идет,
так разъяренно,
злобно
и не право,
что льнет к земле напуганный цветок,
пластом ложатся,
вызревшие травы.
В такой вот час,
у леса на виду,
могучий дуб грозе той
вызов бросил.
Всегда большое
в своем сердце носит,
готовность встретить
горе и беду!

* * *

Рябина горькая
до полу клонится
меня измучила
тоска — бессонница.
Он уезжал — не ждал
меня у пристани
ах, как рябинушка
ты в бурю выстоишь?
Течет дороженька
в лучах купается,
а мой миленочек
со мной не знается.
Он ходит в городе
с другой подручкою
с моею бывшею
душой подручкою.
Уж клонит к зазиме
закатно солнышко,
но не убавилось
нисколько горюшко.

АНТИАЛКОГОЛЬНОЕ

Я думал, что такое мозг?
А он с изрядною издевкой,
ответил так на мой вопрос:
- Поговори об этом с водкой.
Мы с водкой старые друзья.
Я по футбольному, с обводкой:
- Скажи, жить без тебя нельзя,
иль ограничится двухсоткой?
Но стерва белая – молчит!
- Без протокола и допроса,
скажи, на чьи течешь колеса?
Какою горечью горчишь?
Я думал, что такое мозг,
но на подходе к пятой стопки
я губы целовал селедке
напился в лоск.

ПОДРОЖАНИЕ СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Тучи с ожеребу
ржут, как сто кобыл.
И задравши ногу
пень кобель мочил.
Побросал хозяин семерых щенят,
я же собираю в котелок – котят.
И душой не робкой
чую божий дых.
Был такой запойный,
а теперь затих.
Помолюсь коровам,
помолюсь пенькам,
отменно багровым
тяжким облакам.
Не в повети-клету,
чую – под ребром
лизет меня сердце
теплым языком.

* * *

Шаганэ ты моя Шаганэ,
а казалось, пишу будто Оле.
С вами спятишь с ума, по неволе,
а особо при эфтой луне....
Шаганэ ты моя Шаганэ.
Да, казалось, пишу будто Оле.
До чего же красивый Шираз,
а особо, коль не был ни раз,
Он похож на рязанское поле.
Я хотел рассказать тебе, Оля.
до чего же красивый Шираз.
Оказалось - пишу я тебе.
Вот так влип – околеть мне в гробе
он не лучше рязанского поля,
Шаганэ ты моя, Шаганэ,
а на самом то деле ты – Поля!

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Собака шла на поводке...
Все обходили стороною
 она глядела вслед с тоскою:
- Неужто люди трусы все?
Я шел. Я не свернул,
 она
 взведенною пружиной стала...
И два клыка мне показала
 и отвернулась от меня.
Какое сходство с жизнью здесь!
Я не сверну – в ответ презрень!
Я уступлю – уже сомненье,
 уже угадывают лесть.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Ромню — коса скакала
с право налево — вжик!
Вот и ромашка пала
и колокольчик сник.
Потом, когда все подсохло —
в грабли...
Зубатый рот!
Долго под ними охал
весь полевой народ.
Ела корова сено
и медленно,
по губам,
зеленая летняя пела
стекала к худым ногам.

* * *

В землю врезались лемеха....
Пахота. Заревая работа.
И слипались глаза,
 и качало меня,
 тело ныло от пота.
Не выдерживал это металл —
 пальцы лопались с хрустом на траках...
До чего же изнежена сталь!
Я сознаюсь — я плакал.
И от слез каменел.
Ты прости меня степь,
 что крушил я твои васильки и ромашки.
Ты прости меня песня —
 я только хрипел,
 ты прости меня небо —
 я видел лишь серые краски
Труд — не радость!
Он весь в одоление себя.
В этом есть возвышающее начало...
О, работа —
 ты прочность мою испытала,
 я прошел твоё пекло,
 а люди сказали — судьба.

НА ОХОТЕ

Я был земля с тобой наедине,
снега кругом серели, оседали
лишь к поздней ночи ручейки смолкали
устав слагать поэму о весне.

Я не любитель по живым стрелять,
я не любитель убивать живое,
но той весной я взял ружьё с собою,
в остожье лег и стал чего-то ждать.

Стволы смотрели точно на восток,
в лицо дышала свежесть и прохлада,
покой и звезды — ни чего не надо!

Вчерашний день был сказочно далек.
Лишь мысль текла
вначале в такт ручьям,
потом какой-то ошалевшей птице,
потом двустипше вздумало пробиться
к бесчувственным и немощным губам.

Ночь утекала в вечное – в своё.
Серел восток, и появились тени.
В их медленном,
 таинственным теченье
 возник журавль,
 потом один еще...
Ах, этот танец вечный журавля
 он снится мне,
 стоит в глазах поныне...
Тогда в лицо самой живой святыне
 смотрела смерть
 сквозь два стальных ствола.

БРАТУ

А пока у тебя ни рыбки,
ни улыбки
и ни шиша.
До чего же, братишка, зыбки
эти кочки у камыша.
Говорил я тебе,
а небо уходило за горизонт.
Ты еще там ни разу не был,
а оно тебя позовет.
Сердце вспыхнет и затрепещет,
крылья вырастут — полетишь.
И восход этот солнца — вещий,
ты войдешь в него — не сгоришь.
Так и будешь к нему навстречу
продвигаться в своей судьбе,
Чтобы встал за плечами вечер,
чтобы солнце в лицо тебе!

СИНЕЕ, СИНЕЕ УТРО

Синью светит тепло утро.
Синим ветром играет тополь.
Вот синеет восток...
Аллеей синий дождик быстро протопал.
И лучи, ударяясь в крыши,
на антеннах расплавясь сталью
поднимаются
выше
выше,
исчезая, за синей далью.

ТОПОЛЬ

Он выстоял бури и ветры
В запущенном старом саду.
В его, тополевое детство
 рубил осколки листву.
Он вырос и стал узловатым
 и годы его не берут,
 на самой вершине грачата
 в далекий готовятся путь.
Он к солнцу, могучие сучьи
 разбросил, как руки, старик.
К коре его грубой и жесткой
 дубок не окрепший приник.
И утро встает озаряя
 растущую дружно чету...
Он юность от бурь защищает,
 воскресшую юность свою.

* * *

М. Светлову

Отстучали копыта Гренаду в степи,
им на смену, тяжелые танки пришли.
Колею пробивая, рыча и идя напролом
они гулко рычали:
- Где наш танкодром!?
Это «р», как револьвер у века к виску,
да не каждое слово ложится в строку
и не всякую песню принять я решусь...
Ах, Гренада, Гренада – суровая грусть.
Я б направил армады, закованных в сталь
в крутолобые скалы, чтоб ожил металл.
Чтобы был он при деле, как хлеб,
как земля....
Чтобы тело стальное гудело не зря.
Только ветер соленный, и мокрый от слез,
закружил меня вихрем и к тучам унес.
Зазвенела в ушах напряженно струна,
незабытая песня – Гренада, Грена...а

МУЖЕСТВО

М. Светлову

Ты мне говоришь про это
 прямыми, как правда, словами.
Ты мне говоришь о песне,
 которой не нужно слов.
Мужество – это музыка,
 сыгранная на нервах.
Мужество – мудрость сердца,
 прозревшее даль веков.
Я знаю – не сдвинет небо
 багровое пламя ада,
 покуда у нас есть мужество
 правде смотреть в глаза.
И желтизной не охватит
 цветущую ветку сада,
 и в трудный час не оставят
 испытанные друзья.
Ты прославляешь мужество -
 высшую добродетель!
Ты, становую жилу нашего естества.
Мы без неё – растения!
Мы без неё в растлении!
Нам без неё погибель
 от века и на века.

* * *

В лето 1946-тое,
небо было чисто голубое:
Иван-чай смеялся,
белой кашке
подмигнули строгие ромашки.
Тополя во всю распетушились -
белым пухом в небо распушились.
А в степях – от Иртыша до Дона,
плыло море солнечного звона.
Жаворонки в небе заливались,
молодые – жарко целовались
Будет лето в тридцать третьем веке,
что-то скажут там о человеке?

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Нравилась в глазах зеленых — кротость.
Не за ту ли кротость, по селу
 нес тебе холодный белых лотос
 и сажал в лодчонку на корму?
Плыли мы по ряске и кувшинке
 в той смолевой лодочке с тобой
 и взлетала в небо пелеринка
 над стоячей темною водой.
Улетела, птицей упорхнула
 за леса, за горную грядку...
Воздухом сосновым Барнаула
 излечила детскую мечту.
Муж обрезал крылышки — крылатой,
 вдруг тебе захочется лететь?
В сколь тяжелых золотых каратов
 на тебе надета нынче цепь?

Ты теперь не девушка, а львица
вон как выступают каблочки!
А вокруг владетельные лица,
в благородном инее виски...
Томный голос:
- Помните, бывало,
лилию, представьте и в зубах...
Усмехнулась дьявольская зала.
- Вы про это, что-нибудь в стихах...
Боже мой! Не сон ли это гадкий?
Может быть кривые зеркала?
Мне Есенин подмигнул украдкой
с круглого журнального стола...

* * *

Николаю Москалеву

Расскажи мне Коля про неволю,
да про ту, которой трын-трава.
Отпускали девушки на волю
молодца – кружилась голова!
Так ли было? Суды-пересуды,
всё уйдет, уляжется в сугроб...
Только будут памятными губы
и слова, что сказаны в захлеб.
Всё пройдешь, измеришь, испытаешь,
и споешь с душевною тоской:
- По Дону гуляет казак молодой...
Я хочу, чтоб утренней звездой
было полно сердце каждый час.
Все бывшее порастет травой...
Тоже будет, только после нас...

* * *

Нет ни ревности,
нет ни зависти.
У моей любви только завязи.
Полюби меня,
когда вьюга в грудь.
Как снежок в горсти,
вот и весь мой путь.
Вот и весь мой путь - паутиночка.
Не тропа к тебе,
а тропиночка.
Когда талый снег потечет рекой,
я уйду, как сон,
с ледяной водой.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Я на меню столовой-ресторана
писал стихи
и вспомнил я легко
суровый лик
батыра Бобур-хана,
кедровое алтайское село.
Людей кентавров,
трубки-носогрейки...
Да мало ль, что еще припомнить мог?
Простроченные накрест телогрейки
и бисером украшенный сапог.
Приходит стих,
и как всегда не к месту!
(Скажите мне,
где место для стиха?)
Официантка скромно,
будто бы невеста
несет стыдливо ножку "табака".
А дальше всё!
Здесь лирика буксует.
Упал туман в лощины древних гор!
Она чего-то о цене толкует
и по панно блуждает её взор.
В одной лишь водке не нашел изъяна,
да было цело донышко стакана.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Остались мне облюбки и объедки
фальшивость губ,
вино чужих пиров,
а ты ушла,
ушла моя любовь,
скользнув синицей с тальниковой ветки.
В ручьи стекалась талая вода,
ломался лед, и плакали березы,
и в гневе тучи
разрывали грозы,
как будто в час библейского суда.
О юность, юность вечности родня!
А вечность миг прекрасного не ценит,
пока волос не тронет седина,
пока не выпьешь горького вина,
Все свет и свет!
Где тут заметишь тени?

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Люблю цветы, особенно весной.
У них взрывоподобное цветенье!
Морозы ночью...
Я прощу прощенья
 у тех цветов - не обогретых мной.
Люблю цветы - их можно в сентябре
 еще увидеть кое-где на поле.
В них - пламя страсти
 и настойка - горя...
Как устоять пред ними в сентябре?
Но есть цветок среди моих равнин,
 уж снег кругом
 а он не увядает!
И сам того, наверное, не знает,
 что он один,
 до гибели один!

* * *

Укачало пшеницу в ладонях рассвета
и теперь уже в прошлом
тяжелое, знойное лето.
Уже точат комбайны свои ромбовидные зубы,
уже гулко гудят элеваторов толстые трубы.
Зрелый колос склонила
и прошлое кажется ей
вереницей счастливою солнечных дней.
Я - пшеница, прекрасно тебя понимаю!
Юность,
где же ты, юность?!
Я голову низко склоняю.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Домали дом и в спешке,
всё круша
сердитый дядька,
с ломом влез на крышу
и закричал:
- Поберегись! Обрушу!
И замерла в предчувствии душа.
А разве я не радовался им,
крупнопанельным,
светлым и высоким,
когда их строим
медленно тесним
мой, отчий дом,
остался одиноким?
Не думал я, что сердце обожжет!
Что слово - "дом" не сводится к жилищу,
что мы судьбу не там порою ищем,
что Родина идет от слова - "род".
Не думал я...
Вот рухнула стена
и долго-долго в воздухе летали,
частицы праха, атомы печали
и кем-то не прощенная вина.

* * *

Чистейший снег, товарищи, упал!
От камня на Урале до Алтая
и тишина вокруг стоит такая,
что слышно как ломается кристалл.
Пусть каждый год
такой же снегопад
не омраченный, копотью и ядом
останется единственным нарядом
моей земли
на сотни лет подряд!
Чистейший снег в ладонях малыша,
да сохраниться чистою
душа.

* * *

Знаю точно, стихов о любви - не бывает.

Есть о жизни стихи,

о дорогах,

поросших полынной травой...

Только малые дети

без боли цветы обрывают.

Это взрослым,

придется

за все

расплатиться собой.

Знаю точно, о смерти стихи - невозможны!

Есть о жизни стихи,

что горит в негасимом огне.

Осторожные люди,

вы, будьте еще осторожней!

Это детям

позволено плакать

во сне.

* * *

Вы видели воду стесненную серым гранитом,
ревущую воду, упрямую воду весны?
В ней боль от паденья,
а в стрежне
от ила отмытым,
шумит недовольство,
изверженной с неба грозы.

Но, падая
ей ни когда не разбиться в паденье.
Избитой судьбою
остаться самою собой!
Опять убеждаюсь,
что жизнь - это только движенье,
сраженье с любою
бездушной скалой!

* * *

Сытому - голодный не опора,
Зрячему - слепой не поводырь.
Говорят, что так устроен мир.
Вор кричит:
- А ты, держите вора!
Говорят...
Но может всё не так?
И голодный - сытому, опора?
И слепой, орлиным зреньем горя,
зрячего проводит через мрак?

АЯ

Катунь ворчала, билась о паром,
бурунами перо руля обвила...
Блок закрипел натужно.
Терпеливо
на левый берег тронулся паром.
Я не был здесь уже десяток лет.
Жемчужина, в оправе скал и леса!
Пришел сейчас не ради интереса,
а потому, что здесь оставил след.
Как ни крути, а по кругам своим
земля летит..
Ни что не повторится!
И мне водою прежней не умыться,
но был я здесь,
желанен и любим.

Страницы Памяти. М.Анохин

Стал реже лес...
Лишь скалам ни почем!
Что им года - гранитным, серым глыбам?
Меж вечностью и жизнь,
 сделав выбор
 они такие ж нынче, как в былом.
Не то во мне...
Та девушка босая,
 на берегах ромашковой реки,
 уж ни когда мне не подаст руки.
Да, никогда!
Ты это знаешь, Ая.

* * *

*"Я прислал тебе чайную розу в бокале
золотого, как небо, Аи"*

А.Блок

Чайные розы я видел на чайном сервизе,
видеть живыми мне их не пришлось.
Неженкам этим, пожалуй, в Сибири не выжить,
места им нет у корней гладкоствольных берез.
Видел на склонах Чекета цветущий маральник.
Завязь на кедрах и стылые льды на горах.
В ноги бросался колючий, таежный кустарник,
утром вставал, будто граф, в ледяных кружевах.
Знал непогоду, строгаи мне скулы метели.
Путь свой сверял по высокой полярной звезде.
Горные речки крестили в ледовой купели.
Добрые люди всегда выручали в беде.
Так бы и жил, если б розы не снились ночами.
Сладкая боль поманила меня за собой.
Мне их хотелось увидеть своими глазами,
взять и коснуться тех роз огрубевшей рукой.
Вот и увидел.
Увы, не меня они ждали!
К синему небу тянули бутоны свои.
Так они томно, так страстно, так тонко вздыхали
блоковским бредя вином, золотистым Аи.

* * *

Дес прозрачной твоей косынки
а душа твоя леса светлей
от чего-то назвали - Маринкой!
Ты ж не видела в жизни морей?
Может быть оттого, что с порога
словно море колыхается рож...
Говорят о тебе - недотрога,
а дотронешься - руки сожжешь...
Ну и что?
Не бывалое дело
обожженные руки лечить?
Если сердце еще не сгорело,
стоит мучиться,
жить и любить!

* * *

Вокруг - одно болото!
Кикимора в кустах.
На взгорке два сумета,
 да цыпки на руках.
Да желтые кувшинки,
 да в прозелень - вода,
 девчоночьи косынки,
 буренушек стада.
Коняшка мой коняшка!
Копытами вразлет.
Военная фуражка
 сорок девятый год.
Пальтишко из шинели,
 из кителя - пиджак,
 мы с гордостью смотрели
 на школьный, алый стяг.
Мы знали цену хлеба
 и каждый травке вкус,
 и теплым было небо
 тогда
 над нами
 Русь.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Там на кочках болотных
трава - азагат,
Там калина надела
весенний наряд.
Там в июльский малинник
приходит медведь.
Теплой ночи колышется
звездная сеть.
Домовой - тот на крыше
в печную трубу
постоянно бормочет,
да все про судьбу.
А какая судьба
в те, не полных пять лет?
Вековая тайга
придержала ответ.
Лишь болотная выпь,
да трава азагат
говорили свое,
только все невпопад.
Да у дальних осин,
одинокая ель
не пускала к себе
зацветающий хмель.

* * *

Было время,
Я глядел на женщин,
тех,
что старше много
и мудрей,
как глядят на лед,
когда из трещин,
как из вен,
вода с напором хлещет,
предвещая время журавлей.

Я не тот.
Да разве это ново?
Все не то
и небо,
и земля.

Над крыльцом распятая подкова,
а на мне рубашка из нейлона,
но не слышно в небе журавля.

Улетели журавли оттуда.

Я оттуда, тоже, улетел.

Зарево неоновое

чудо

и фарфора нежная

посуда...

Неужели этого хотел?
Нет и нет!
Меня манили, дали...
Это так знакомо журавлям.
Мне такое ветры нагадали,
 что я мог остаться здесь едва ли
 прикипев к телеге и вожжам.
Гор отроги - это ж недотроги!
Если тронешь,
 шалая вода
 смывает все на пенные пороги
 и уйдут мои лесные боги,
 нет лесов - уходят навсегда!
Так ушли мой трепет и смятенье,
 но щадя земную красоту,
 вдруг
 ворвется
 в сердце потрясенье,
 это подступило вдохновенье,
 бог лесов
 взошел на Темир-Ту!

* * *

Чайные розы!
Чудесные чайные розы.
Вечное пламя
Застыло на ваших устах.
Может не пламя.
А чьи-то кровавые слезы?
Сколько живу на Земле,
А Земля постоянно в слезах!

СОВЕСТЬ

Фарфоровая чашка на столе.
Кофейник что-то
 о своем бормочет,
 а ветер окна выломить мне хочет...
Вот вскрикнул сын,
 напуганный во сне.
В такую ночь не вдруг захочешь спать:
 сны тяжелы,
 объемны и суровы
 и все грехи,
 как вспугнутые совы,
 обступят беспокойную кровать.
Нам многое прощается,
 и вот,
 мы привыкаем к этому
 прощенью,
 но в этот час не место снисхождению,
 здесь выстроила совесть эшафот.
И топором ошибок,
 не удач
 она всю ночь меня четвертовала...
По-своему жестоко врачевала...
Мой самый верный,
 не подкупной врач!

БЫЛОЕ

Уже давно все травы отцвели,
Земную твердь ощупали морозы,
скользя по камням, в горы лезут козы...

Дед говорит:

- На печки постели...

А пальмовая ветка на окне,
рисованная льдинкою искристой,
была такой возвышенной и чистой,
как мы бываем разве что во сне.

Увы, увы! Не стаи журавлей
высоко в небе песню затянули,
то все метели к югу повернули,
выламывая руки пихтачей.

Промерзнут реки горные до дна
и ухнет лед, и содрогнутся елки,
и долгим воем ночь разбудят волки,
сквозь санный след покажется вода.

Отец придет, от инея лохмат
и скажет так:

- За речкою, у лога
опять медведем сделана берлога,
пойти в Калары, шорцам бы сказать...

Страницы Памяти. М.Анохин

Валили лес на крепь кузнецких шахт.
Над голубыми кедрами Сибири
 лишь совы перепугано кружили,
 да всю тайгу корежил вещей страх.
Увы, увы! Не сорок сороков,
А минуло всего лишь только сорок!
Каких годов!
Все взрывчаты, как порох!
Там нет уже ни речек, ни лесов.
И нет отца.
И многие ушли.
Лишь памятью я вглядываюсь в лица.
Нам многое, наверно, не проститься,
 но как иначе выжить бы смогли?

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

"Мне память горше, чем родни укор."

В. Федоров

Ротянуло в деревню:
там родительский дом.
Подчиняясь смятенью,
приезжаю тайком.
Помню - кони и бревна.
Помню - бревна и мат,
что в утробу вагона
с эстакады летят.
Но прошло это время,
поредел окоем.
Для кого это - тема,
мне - отческий дом.
Терриконики встали
среди дремучей тайги.

Страницы Памяти. М.Анохин

Их в расчет принимали
и друзья,
и враги.

Жизнь

и впрямь ведь - не дышло!

И года, как вода...

Крикну: - Юность!

Не слышно,

только дрогнет звезда,

и покажется,

будто

с обезлесевших гор

кто-то спросит:

- Откуда?

Где ты был до сих пор?

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

*"Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям".*

(Д.Алегери)

Там камень осыпался под ногами.
Там клин железный, молот и кирка.
И я смотрел не детскими глазами
на часовых, глядевших с висока.
Я видел позже на цветном экране,
похожие на эти лагеря
уэлсовские башни-марсиане,
заплечных дел большие мастера.
Не мог понять суровой правды жизни
и в детском сердце затаилась боль.
Я тосковал по нежности Отчизны,
но был взамен предложен алкоголь.
В ком совесть изначально тосковала,
кто многое не мог душой принять
вино и водка
крепко укачала,
навечно многих уложила спать.

Страницы Памяти. М.Анохин

А те, кто был за проволокой железной?
О них молчит и тундра и тайга!
Их скорбный путь к свободе -
 безнадежный!
Огнем горит на их тавро - врага!
О, Родина!
Да ты ли это?!
Ты ли по локоть засучила рукава?
Безглазые,
 без сердца что ли
 были?!
Иль так слепила слава и слова?
И где-то там, у горных перевалов,
 где мхи и травы кости стерегут,
 в руде тяжелой,
 в насыпях обвалов,
 ответ потомки все-таки найдут!

* * *

Шестое чувство - это совесть.
а с ней в ладу ли, не в ладу,
мы то мирились,
то боролись,
то говорили ерунду.

И Бытие помянем всеу,
и о Сознание намекнем,
все разжует и растолкуем,
покорно жеванку сглотнем.

А совесть все-таки - работа
без перерыва на обед.

И очищающая рвота
от слишком сахарных конфет.

И мука
вечная, живая,
как знак бессилья своего...

Но совестью мы прозреваем
и умираем - не легко.

* * *

Так я живу от дремы и до гнева:
больным нейроном и железом гема.
Ребенок утром странно улыбнется
и прочный дом, как утлый челн качнется.
Войду я в лес и вижу: из надреза
в коре торчит померкшее железо.
Все корни детства лопаются с хрустом,
а ты твердишь:
- Живи одним искусством.
А если так и сердце не солгало.
то, значит,
мы отлиты из металла?
И в век железа - сами из железа!
Не кровь, а ржа сочится из надреза.
А смерть Земли в яйце железном скрыта
и всех несет железная орбита.

* * *

Ни чего не значит, если скрипка плачет,
вороны кружат.

Ни чего не значит, если сердце плачет,
совы ворожат.

Совы - бестолковы,
старые подковы двери сторожат.

* * *

На уровне моря стихи написал,
и гриновский парус восхода,
был щедрым на соль и на пенистый шквал,
на сладкое слово - Свобода!

На уровне гор я пытался писать,
чтоб к солнцу и звездам быть ближе,
но я не заметил - состарилась мать
и скоро её не увижу.

И только теперь, когда весь в седине
открылась мне в истину дверца,
что самое главное - это во мне,
на уровне сердца.

* * *

*"А память?
Память на замок,
чтоб не мешала жить!"*

(Е.Исаев)

Я многое разного видел,
иное забыть - да не мог!
Не память - тяжелые глыбы,
таков не веселый итог.
Но было же!
Было такое; я пел, я смеялся,
я - жил!
Я все перевидел земное
и песни земные сложил!
Крушило мне душу сомненье,
и сердце сгорало в огне...
Глушили вином поколенья,
но мы не оглохли в вине.
Остались и честь, и отвага,
и медные трубы прошли,
но все, что терпела бумага,
мы больше терпеть не могли.

ПАМЯТИ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

В "Новом мире",
действительно,
в новом ли мире?
По Колымской тропе,
по исчерченной сини,
по шурфам золотым,
по тоске неизбывной,
по праху
протащили меня словно ката,
на плаху?
Если это - Отечество,
это - История
что же
словно Данте в аду
ухмыляются мерзкие рожи?
Как же так?
Почему все растоптано,
полито кровью
и ночные кошмары
стоят у меня в изголовье?
Говорят - полюби!
Говорят - возгордись и не сетуй!
Все прими,
всех прости,
и не требуй ответа.

Страницы Памяти. М.Анохин

Ибо - нету судьи!
А Фемида весы утерjala,
всё былъем поросло,
отболело давно,
отстрадало...
Только как же мне жить,
если в мире столь девственно новым,
не могу совладать,
из забвенья вернувшимся,
словом?
Если сердце моё откликается
болью и гневом?
Как мне справиться с этим,
кровавым посевом?
Совесь, совесь убейте!
Разрушьте мне память!
Раствлите!
И тогда, как хотите
историю мне изложите.
А пока не приемлю
ни красного цвета,
ни славы.
Хватит!
Выпил довольно!
Газетной и прочей
отравы.

* * *

"Выдь на Волгу...

(Некрасов)

Выть на Волгу, на Дон, Украину
то же самое, выть на Луну.
На подружку соседскую, Нину
на любую другую страну.
Это вой у нас песней зовется,
издавна повелось на Руси;
если только мужик не дерется,
значит - воет,
Господь нас прости.
В буреломах, урманах, трущобах
хоронились от копий степи
и в наследство достался особый,
ослепительный
сколок души.
А сама, отзвенев, отлетела
лишь бездушные бродят тела
у Господня порога-предела,
как на привязи - возле кола.
Выдь на Волгу, на Томь и на Бию
на пригорок, на кряжик любой
и познаешь родную стихию,
что зовется в России, судьбой.

* * *

*"Быть иль не быть
Вот в чем вопрос?"*

(У. Шекспир)

Нет, Гамлет, нет! Вопрос не так стоит!
Мир рушится, текут его основы.
Христос гвоздями намертво прибит,
 владыки мира сплошь пустоголовы.
Проказою душевной поражен
 безумствует народ.
Нам выслан ворон вещей
 и Глад, и Холод, и застенков клещи,
 и ни один живущий, не прощен!
Вот в чем вопрос!
Померкло Бытие
 лишь грохот стали, да зубовой скрежет
 и лезвие, отточенное, режет
 кровавое, кричащее гнильё.

Распалась связь времен,
 смешались: Ад и Рай,
Добро и Зло совсем неразличимы.
Лиц не видать, то рожи,
 то личины
 то дикий хохот,
 то собачий лай.
Уже в утробе, зачатый отцом,
 не внемлющий,
 не знающий соблазна,
 плод копит гнев...
И месть его ужасна, —
 отца он представляет
 подлецом!
Ты за отца восстал,
 но нынче мир таков:
 он восстает, в безумстве,
 на отцов!

ДИОНИС

Ты выводешь меня на поляны разлук,
Дионис.

И, как выстрел хлестнул,
по лицу,

этот крик:

- Ты очнись!

Я очнулся и понял:

поляны все - в лужах вина,
а на небе стоит и хохочет,
как демон,
луна.

Опьянев,
обезумев, кричу:

- Дионис!

А мне эхо в ответ:

- Обернись! Оглянись!

Пляшет разум,
как лодка на зыби крутой.

Страницы Памяти. М. Анохин

И целует молодка,
ласкает горячей рукой.
Хмелем дышит,
обвила, как хмель,
не вздохнуть...
Загуляла душа,
растрепалась в лоскут.
С земляничных полян
надвигается сладкий дурман.
Не будите меня,
не тревожьте - я пьян.
А когда я проснусь ...
О, когда я проснусь!
Будет грусть надо мной
гоготать,
как рассерженный гусь.
Совесьть - плакать молчком
и слезами омоет меня...
И под сердце тычком...
Если я доживу
и дождусь,
её судного дня.

Страницы Памяти. М.Анохин

По мотивам
Роберта Бернса

Под старость лет
схожу с ума
обычная картина,
Хоть обошла меня тюрьма,
но вот сума - скотина!
Богатым не был - не беда,
но был и хлеб и водка,
а глотка что ж, она всегда
на то она и глотка!
К девчонкам лазил я в постель,
хоть мать ругалась крепко,
Любил весеннюю капель
а зиму очень редко.
Но ты пришла ко мне зимой
и ты озябла, крошка
Я понарошку лег с тобой,
а ты мурчишь, как кошка,
И я погладил вдоль спины,
потом чуток пониже,
И я не чувствовал вины
и ты все ближе, ближе.

Страницы Памяти. М.Анохин

С тех пор прошло не мало лет
я сед, а ты - старуха
Ты кашу варишь на обед,
в зубах у нас разруха.
И вот что я тебе скажу,
пусть Бог меня осудит,
тайком к молодущкам хожу,
А люди шепчут:
- Блудит!
А что мне делать,
коль люблю трепещущее тело?
И пусть я душу погублю,
но жизнь губить - не дело!
К тому ж прими и ты в расчет,
такое положение:
любовь - любить к себе влечет,
не зная снисхожденья!
Под старость лет сошел с ума,
заговорил стихами.
Налейте мне бокал вина,
я выпью вместе с вами!
За все что было,
да прошло.
За то, что еще будет!
И если сердце не сожгло,
то пусть оно поблудит!

* * *

Г.Панову

Отлетала угрюмая птица
отмахала тяжелым крылом.
Золотая сверкнула зарница
над твоим, не приметным, селом.
Там, трубили горящие горны
пионерских, веселых дружин...
Ну, а корни,
российские корни
все уходят под почву былин.
Мы туда же...
Не тленна основа,
разговорная, русская речь.
В чистом сердце, рожденное слово
и орало, и пламенный меч.

* * *

Г. Панову

В полнолуние, летала птица,
в поднебесье, над тем селом,
где тебе, суждено родиться
и понять, что такое, дом.

Не высокий, но громогласный,
как живая вода, как ртуть!

Ты с согласными - не согласный!
Свой, особый, проложил путь.

Ты - Панов из села, Паново
вся основа от туда, суть.

Ты из корня пошел такого,
что не выгнуть и не согнуть.

Тары-бары, с тобой, калякал.
Было дело и водку пил.

Я не пел тогда,
только квакал
все равно, ты меня,
ценил!

Вспоминаю...

Куда ушли Вы?

Как заоблачный, Ваш полет?

Вы отчаянны, и красивы...

Здесь - всё сырость,
остуда, лед....

* * *

Геннадью Володину

Из неудачников - удачлив.

Хватив с избытком всяких бед,
ты далеко уже не мальчик,
а сверхгорючий элемент.

Тебя выслушиваю стоя,
а за плечом твоим - звезда
дрожит от водочного зноя,
как листья сыпятся года.

И по особенным приметам
природы чувствую ответ,
что вспыхнешь ты бездымным светом
в миг приближения комет.

* * *

Н.Черкасову

Ты играешь словами,
как мальчик
на отмели речки
камнями.
То к губам прижимаешь,
прохладю их восхищен.
То швырнешь далеко
и глядишь,
как он путь
пролагает
по бездонному небу,
что так глубоко.
Наиграешься вдосталь,
уйдешь и другое захватит,
закружит, понесет
и забудешь про отмель реки.
Разноцветные камни
другой подберет
и растратит,
расшвыряет другой,
по бездонному небу строки.

* * *

В. Башунову

Каждый знает себе цену,
что он стоит,
где стоит.
И, какую Мельпомену
он то **ДОИТ**,
то **ДОИТ**.
Кто не ведает о том,
угнетен сим днем
лукавым,
бес сомненья
будет правым
в веке этом,
иль - другом!
А кому судьбой дано
видеть,
в **этой** Мельпомене,
знак
к великой перемене;
царств, империй,
всех основ -
убегает от ослов.

Что тут скажешь,
 когда ляжешь?
Когда ляжки разведешь?
По неволе сдавит тяжесть
 государевых оков?
Каждый знает себе цену,
Что он **с**тоит,
 где - **с**тоит.
И какой, себе изменой,
он, сегодня, пьян и сыт.

* * *

В. Башунову

Заматерел и стал ты не такой,
как раньше,
но особенный, другой...
Так появилась важность в твоём взоре,
степенность и солидность в разговоре.
А я все тот же - пьяница и мот.
Слагатель песен, расхититель сот.
Ценитель тел.
Целитель женских душ.
Не много ли?
Не слишком ли?
Да, уж...

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Стасу Яненко

Когда с тобой сходились мы,
лоб в лоб.
Тогда нас распирала жажда славы.
Мы были, как собаки на облаве;
Визжали мы и лаяли,
взахлеб.
Давно прописан ты,
на небесах.
И все,
что не досказано меж нами
я досказал,
как Бог помог,
стихами,
но пыль дорог,
стоит в моих глазах.
и режет их.
Ты - этого не знаешь!
На облаках, как ангел отдыхаешь,
а я, как червь среди дерьма ползу.
И вспоминаю,
как бежали вместе,
как пили мы, дешевое вино...
Как много было гонора и чести,
как мы с презреньем относились к лести.
Как всё недавно было!
Как давно.

ПРИВЕДЕНИЕ

*«Прогони меня бог из рая
чем-то рай мне стал не хорош...»*

Л.Мерзликин

Боже праведный!
Мне, не ловко
 про такое, стихи писать.
Все случилось в селе, Чемровка
 в десяти верстах, от Усят.
Я, проснулся на сеновале...
Предрассветная ткалась мгла...
Привидение:
- Вы не ждали?
Вы, не смелые, я пришла....
Ну, а дальше - бастую,
 баста!
Не найду подходящих слов!
Бог,
 избавь от такого несчастья,
 род людской,
 пожалей, мужиков.

Страницы Памяти. М.Анохин

*"Возле автобазы
Мазы, два..."*

(Л.Мерзликин)

Заехал с Володиным,
мой кумир!
Закуска и выпивка,
пир не пир.
Главное дело - стихи читал,
а я, эти строки
живьем глотал.
Сорокой вздорной
в захлеб стрекочу:
- Хочу свое прочитать,
хочу!
- Читай, кудрявый,
да так читай,
чтоб в этой кельи
ударил май!
Чтоб стало ясно, что ты - поэт,
а то поэтов в России нет.
- Да, что ты, Ленька!
Ведь ты ж поэт?!
Придумал тоже: "поэтов - нет!"

- Ну, я особо, иная статья
 что зубы скалишь?
Давай читать!
И мы читали, аж до утра,
- На электричку, - сказал, -
 пора.
"Тень от птичьего крыла
Лошадь гложет удила..."
"Однажды я поднял в кювете
Причудливый корень - и вот..."
За корень корявый в ответе,
За все, что под небом живет.
Меня ты тогда обнадежил:
- Пиши, - говорил мне – пиши,
 до боли, до дрожи, до кожи
 до жалкого всхлипа души.
К Белооярску ушла электричка
на перроне остался один,
 а в руках обгорелая спичка
с этой спичкой дожил до седин.
Не исполнил завета твоего.
 и берег свою жалкую плоть,
 видно мало мне доброго слова,
 видно нужно по чаще пороть.

ПРО ХАНСКИЙ ПЛЕН

*«Послы в парче
хан сердит
на левом плече
орел сидит».*

Л. Мерзликин

Бургет – лисица!
Бургет – орел!
Краса – Алена,
 якши – шатер!
Пусть кони скачут,
 я на скаку
 свою удачу
 поймать смогу.

Моя удача –
 летит звезда.
А как иначе?
Ни как нельзя!
Споткнулась лошадь,
 орел – взлетел.
Вот как заносит,
 не то – хотел.
Хотел Алену,
 якши бакшиш,
 а тут по-русски
 мне дали шиш!

О ЧАЧЕ И САМОГОНЕ

*«О мастера чеканки и майолик
я в вас влюблен как в чачу алкоголик».*

М. Дудин

О мастера чеканки и кубанки!
О мастера наворачивать портянки!
Кто на пирушке неизменно стоек,
я в вас влюблен, как в чачу алкоголик.
Но у Сибири есть свои приметы:
здесь самогонку чаще пьют поэты,
а самогон звучит не так как чача,
твое открытье и твоя удача.
А то, что чачу пить учили в Чили
Мы тоже кой чему бы научили...

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

В.Астафьеву

В бреду бормочет старая война.
Пока не поздно, взглядываюсь в лица
и думаю: очнется вот, проспится
и, только-то, и все-то тут дела.
Полвека жду, а не проходит бред!
И обморок все глубже, все страшнее...
Нет, не очнется этот человек,
отравленный сивухой Асмодея!
Он выпил всё, что б не досталось нам
из этого, кровавого сосуда.
Не мед стекал по треснувшим губам,
а холод бездн, вселенская остуда!
Он пил и плакал, выпивая яд
и жертвенности этой был не рад.
В бреду бормочет старая война.
На крыльях Тьмы
над нами Страх и Ужас!

Страницы Памяти. М. Анохин

Ничейная, как будто бы вина,
а до сих пор,
как ястреб в небе кружит.
Что делать нам,
последышам войны?
От стужи той,
глотнувших от пеленок?
Чтоб этот ястреб...
Чтобы эти сны...
Чтоб этот лед...
Как чуток бред!
Как долог!

* * *

«Я опять о своем, о старом...»

В.Л.Казачков

Задохнувшись от знойного ветра.

от соленых озер Кулунды

им принес свои первый жертвы

и одна из них, милая, ты.

Я вином прополаскивал горло

и слезами глаза промывал...

Все равно бестолково, позорно

потерял я тебя,

проиграл.

Эта соль вперемешку с землею

в кокон душу мою облекли.

А под этой, тяжелой корою...

Я не скрою, родная, не скрою!

Всё смололи,

всё в мусор смели...

И потом, что любилось - не пелось

только с хрипом из горла рвалось.

Тех, кто любит - любить не хотелось...

Страницы Памяти. М.Анохин

Барабанная дробь, а не мелос!
Только подлая трусость - не смелость,
 да бессильная, жалкая злость!
Вот и все, вот и все что сбылось!
Ночь. Плотней и темней, не бывает,
 бродит память в ночной тишине.
Что-то бредится ей, вспоминает
 и глаза к небесам поднимает
 тьма везде, даже там, в вышине.
Ветер форточкой стукнул,
 подуло...
Быть по утру грозе и дождю.
С колундинских степей,
 с Барнаула
 пыль и соль,
 быль и сон
 с нетерпением жду.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

*«Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням».*

(Дант. А.)

Но много горше терниев терцины
на родине жить так, как на чужбине,
где собственный ломоть не по зубам.
На родине, где властвуют чужие,
где белый саван видится глазам
на эшафот идешь по ступеням.
Душа в плену.
И нечисть, с глаза Вия
сорвать желает божью пелену.
Времен предел. У этого предела
душа от горя рано поседела.
Вот море слез! И я в слезах тону.
Не этого душа моя хотела
когда над бездной к небу вознеслась
там, в небесах, явила силу власть.
и с тех высот всё в бездну полетело.
Как горько жить на родине чужой
когда к ней прикипаешь всей душой!

ОБЛОМКИ

*«Не варите козленка
в молоке его матери».*

Мы осколки, остатки
могучей эскадры:
многолюдных галер,
буревестных судов.
Перерублены наши клинки,
переломаны гарды,
что досталось в наследство
от наших отцов.
Мы лежим, обсыхаем
на отмелях нашей Отчизны,
старый хлам бытия,
отголоски сражений и битв.
Мы - чужие на собственных поминках,
собственной тризне,
но не помним...
не вспомним минувших обид.
Мы сгораем в кострах
не знакомого,
чуждого мира.
Призывающим нас - мы не внемлем
поскольку - глухи.

Лишь бормочем во сне:
"Не творите из смертных кумира
не варите из рыбы и мяса - ухи".
Это новый завет
в добавление к ветхим заветам,
в назидание всем,
говорящим на сем языке.
Мы уже не дождемся,
уже не услышим ответа
ни в речах площадей,
ни в газетной строке.
Мы ушли по стопам облаков
по ступеням туманов.
По ту сторону жизни шагнули
и все тут дела!
Ядра все просвистели над нами,
отшлепали пули,
стала ржавчиной кровь,
стали прахом тела.

Страницы Памяти. М.Анохин

И когда этот мир
перемелет в муку свои камни,
изотрет жернова,
и замесит хлеба на слезах.
Небеса распахнут
свои звездные ставни:
всё вернется,
что тайною было в веках.
И исполниться все,
что реченое было в пророках,
что поэт бормотал,
зачарованный музыкой слов.
Мир вернется опять
к изначальному Слову,
к истокам,
облачится весь мир в покрыва
так как станет Христов.

* * *

Смейтесь, иначе придется вам плакать.
Плачьте, иначе раздует от смеха.
Нет - говорите, иначе придется вам "такать".
Мудрые мысли, лишь грохот пустого ореха.
Истины ищешь?
Тогда удаляйся от жизни.
Жизни желаешь?
Об истине ты позабуди.
Но повиси на кресте
 между твердью и небом зависни,
 может, тогда переборешь ты
 смертную жуть.

* * *

*Никто желанной воли не найдет
До той поры, пока не перейдет
К пределам жизни и искусства.*

Б.Микеланджело

Приходит срок - присматриваешь гроб
и пробуешь на вкус и прочность глину.
Все реже спишь, откинувшись на спину.
Никто желанной воли не найдет
пока греховность - этот вечный горб
не втащишь за собою на вершину.
Там, в высоте разреженной, вершин,
с грехами оставайся до седины.
До той поры, пока не перейдешь
к пределу жизни -
воли не найдешь!
Пределы жизни и предел искусства,
есть пустота, в которой всё не пусто!

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

С отпусков возвращаются люди
отпустивши на волю грехи.
Потаенно вздымаются груди,
вспоминаются чьи-то стихи.
Наплывает рутинa работы
муж и кухня, жена и гараж,
и ночного соблазна - полеты,
приводящие сердце в экстаз.
И на этих качелях - качаться
будет месяц и дальше - душа:
отрываться от дела, взрываться
и высчитывать всё, до гроша.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Века бегут и уплотняют время
уже в стекло оно воплощено.
Какая все ж назойливая тема:
пытливый разум, время и вино!
Упорно, непостижно, каждым часом
оканчиваю школу первым классом!
Ни букв не знаю, смысл - не разумею,
но чувствую - я только каменею!
Вино, вину - испей! Непостижимо
влиянье сока первого отжима!
К устам прильни - испей томлений яд.
Вот азбука, которой я не рад!
Века бегут и уплотняют время
уже в стекло оно воплощено.
Цепляюсь ему в обод, или в стремя,
а уж давно обрило мое темя
то острое, кровавое стило!
Так что я делал? Видимо, что жил.
Вот вены рук - остаток прежних сил.
Вот память - говорящая о том,
что все пришло не сразу, а потом.
Вот книги на любимом языке,
но всё не то и книги все - не те!
Века бегут и уплотняют время
и вдох, и выдох, как предсмертный крик.
Какая все ж назойливая тема:
вино и время, если ты - старик!

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

О прогрессе - ни слова!
На закате, в дыму
 он летел бестолково,
 а куда?
Не пойму.
Перепончатокрылый,
 трехголовый дракон
 человеческой силой
 до краев напоён.
Долго,
 после пролета
 здесь, цветы не росли
 и все дети - до года
 рта открыть - не могли.
С отвращеньем глядели
 на своих матерей,
 проступали на теле,
 метки черных когтей.

Страницы Памяти. М. Анохин

Появились пророки,
прорицатели числ,
подводили итоги,
объясняли их смысл.
И поэты - потели
над программной строкой,
двоеполюе пели
о любви пребольшой.
Здесь, в ухоженном парке,
у прирученных роз
тихо тлели огарки
с неба сброшенных, звезд.

* * *

С января по февраль-месяц
 вьюга снег за окном месит.
Ох, и круто его крутит,
 словно жизни его учит.
И вспухают снега-снеги
 от Земли к голубой Веге.
И полярная стынь - с югом,
 свиты прочно в одно - вьюгой.
Значит так, тому быть,
 значит,
 день весны в небесах,
 зачат.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Не раз, не два я вспоминал Калары!
Пред взором правды - истина проста:
для всех калек
пристанище - вокзалы,
постели из газетного листа.
И думал я
душой неискушенной,
сбивая на дорогах лопухи,
что людям этим - рук и ног
лишенным -
помогут подходящие стихи.
Напрасно все!
Прочитано не мало
от песен Соломона и до од.
Слова воды,
тяжелого металла,
слова огня
и вымерзших пустот.

Страницы Памяти. М. Анохин

Не эстетичны
ни тела, ни лица
отмеченные пламенем войны...
А это - не поется,
не глядится,
лишь плачется,
а слезы - вне цены!
Вот потому упрятали подальше
с вокзалов и базаров
тех калек,
чтоб дать простор
любой красивой фальши,
чтоб меньше знал и думал человек.
За Родину?
Но Родина не слышит!
За свой очаг?
Но нужен ли он там?
Об этом не споют,
и не напишут,
не поклонятся в ноги
матерям.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Если около кола
загремят колокола?
Только с кола - протокола,
ни с распила,
ни с раскола,
ни содрать,
ни взять - нельзя!
Как же быть тогда,
друзья?
Нужно как-то отчитаться,
оправдаться,
отмотаться,
чин по службе получить,
словом, нужно как-то жить.
Значит около кола
взять, застать перепела.
Ты кого, брат, перепел?
Как ты мог?!
Да, как ты смел?!
Перья выщипать ему,
да в суму его!
В суму!
Ну, а там он запоет,
то, что полагается.
Ах, народ, народ, народ!
Как вам поживается?!

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Что женщина?

Она, как черный порох
что вьелся в поры,
словно в листья - шорох!

Другое я нашел определенье,
что женщина, есть смерти промедленье...

Но вот еще: она есть сущность смерти!
Но вы ни мне, ни мудрецам - не верьте!
Что скажет сердце - истиною будет,
а женщина - возвысит и погубит.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Когда я тебе говорю: "Обожди..."
Имею в виду - ты дожди пережди.
Пусть желтая ляжет на землю листва,
тогда и предъявишь свои,
мне, права.
А лучше до первых морозов дождись и
иней примерь на виски,
и смирись.
Пойми ты,
под снежной
хрустящей трухой,
теперь уж навечно
ты будешь со мной.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Муза проказница
брюхо погладила - продал немного стихов.
Долго вздыхало полночное радио,
вплоть до вторых петухов.
В ночь полнолуния,
в ночь - безответную,
полную горького сна.
Тенью случайною,
мертвенно- бледную
вновь посетила она.
Время тревожное,
время - убойное,
слезы и кровь - его сок!
Нет мне в Отечестве места достойного.
я - одинок.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Отступаем, вельможа!
В ожерелье ножей,
кожа,
гладкая кожа
длинных, холеный шей!
Начинали от - "аза"
от глаголемых - "быть".
От свинчатки приказа,
запрещавшего жить.
Перемолоты судьбы
в жерновах лагерей...
Мы не судьи,
не судьи!
Нет достойных судей!
Мы оплачем,
оплатим,
плотью,
верой своей,
обсмеем,
обхохочем
и орлов, и червей.
В разрушение глубоко
мы гнезда - не соведем,
воробьиным поскачком
жизнь свою проживем.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Не правы эти,
и не правы - те
и я не прав,
но прав закон Природы.
Когда народ в опасной слепоте,
сдвигает горы
и тиранит воды,
природа восстает.
И рушатся дома,
рождаются уроды,
чахнет зелень,
разжевывает кости Колыма
и хищник в человеке - беспределен!
Пусть всякий будет выслушан;
а там
пусть судит время,
правнуки и внуки...
Грохочет гром.
Идем по головам,
доверившись иллюзиям науки.

* * *

Перемен хочу, Перемен!
Эхо вторит мне: - Пельмень!
Из глухих тенёт тишины
кто-то шепчет мне: - Ветчины...
Третий день бегу по следам,
одурачить себя не дам.
Я стреляю, - а дробь вся вкось!
Хоть бы косточку, пусть не кость!
Хоть бы крылышко селезня!
От чего-то кричат:
- Нельзя!
- Перемен!
Кричу, - перемен!
В этом мире лжи и измен.
Но прочавкала хлябь болот:
- Вот еще один обормот.
И добил меня крик дрозда:
- Кушать хочется? Ерунда!
Ведь не хлебом единым жив...

Страницы Памяти. М. Анохин

А мне слышится:
- Лживый, лжив...
Из-под ног уходит земля,
- Так нельзя, -
 шепчу, - так нельзя...
Но гогочет нечисть лесов:
- Экий прыткий и тот, готов!
Рвусь вперед из последних сил,
 голод ноги мне подкосил
 и раскосая, что с косой,
 улыбается надо мной:
- Перемен хотел? Песни пел?
Будет мир тебе, прах и тлен!
И в разрыв небес, вознесен
Уверял себя - это, сон.

* * *

Жили-были караси во пруду,
ни - гу-гу они всегда,
ни - бу-бу!

Лишь тогда карась тихонько пищит,
когда легонький костер затрещит.
Да и то, он говорит про себя,
что "горячая вода - не беда".
Вспоминает, что "и в прошлом году
погулял неводок во пруду.
Хоть и много, да не всех загребли..."
Вот такие разговоры вели.
Рассуждают: "Мол, такая судьба,
Бесполезна тут мольба, и борьба."
И добром вспоминают бобра:
"Не видали бы добра без бобра!"
Жили были караси во пруду,
И, кажись, еще в прошлом году.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

На все эти странные вещи:
на смуту людскую,
тщету
божественный смотрит наместник,
как в гроб,
чтоб наложить плиту.
Чтоб наглухо!
На прочь!
На вечность!
Чтоб в глину и чернозем
мычащую "мудрую" млечность
сволочь
и очистить огнём.
Чем тешилась гордость людская,
чем славились города;
все адская сила смешала,
облаяла, обхохотала..
И всё поглотила вода.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Всё черное течет из черноты
с таких глубин моей души полночной,
что задохнулся б этот мир порочный
и враз завяли б нежные цветы,
когда б не ты!

Итак; есть Я и Ты,
а между нами пропасть!

Сорваться и пропасть не мудрено
и не спасет орлиное крыло
здесь никого!

И не поможет опыт
ночных полетов в лунной пустоте,
видений чудных, сладостных мечтаний.

Что разглядишь в чернильной черноте?
Каких безумных жаждешь обещаний?
Когда подходит неизбежный срок,
погибнет роза и солжет пророк.

* * *

Встречайте рассветы, веселые люди!
Их в жизни не много у каждого будет.
Запомните краски и кисти возьмите
и улицы - все, в те цвета распишите,
чтоб дети смеялись,
чтоб старость светлела,
чтоб строгая жизнь
хоть чуть-чуть подобрела.

* * *

Когда на улице темно,
когда темно на улице
я говорю:
- Пошли в кино
какой-то мокрой курице.
И сам, голландским петухом
при этом выступаю.
И даже падаль за окном
увы, не замечаю.
Блажен, кто мир сей посетил
изведал чувство страсти.
Господь, коль ты меня прости
избавь от сей напасти.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Корни Вечной Горы пьют горячую магму Земли.
Мне до боли знакомы разрезы её и разломы!
Сам, размолотый в прах,
 словно пепел осенней соломы
 я, седой паутиной осел на горах.
Ни кому невдомек,
 чем закончится жатва времен,
 что за судьбы нас ждут
 на пороге остывшего дома...
И у Черной Горы,
 и у тихого Дона,
 и у Белой Горы,
 и у Бии
 нет прежних знамен.
Вкус утраты горчит,
 как полынь молодая,
Да кружит вороньё над остывшей Землей
- Айналайн! - Я кричу.
Твою боль на себя принимаю,
 потому что ты стала седая
И я, стал седой!

* * *

Я снова о том:
за забором запрета,
где знойная боль,
где забито сознание
рождается
взрывчато
сердце поэта
из самого корня души - сострадания.
А это - сильнее распада Галактик,
поскольку
подобно
цветению черемух.
Поэт - фантазер,
аналитик и практик,
и как мне, скажите,
не верить такому?

* * *

В чем жизни смысл?
Спросил я у листвы.
Она сказала:
"Чтоб тянуться к свету".
Спросил я у Земли:
Твои ручьи, куда бегут?
И я услышал: "К лету!"

* * *

Говорите: "Вы богаты..."
 господа?

А я вижу - вы горбаты,
 вот беда!

А когда горбы созреют
 лопнет плоть,
 то не крылья Назарея
 гниой стечет.

Потому, как говорено:
"В небесах
 только то и окрылено,
 что в трудах..."

* * *

Я башню из кости слоновой
воздвигнул средь грязи и смрада.
Там были: любовницей - слово,
светильником - пламя из ада.
Там Господа солнце всходило,
жемчужины в травах рождались.
Там белые голуби мира
в ладонях моих укрывались.
Но ночью...
Проклятые ночи!
Всё мерзкие, свинские рыла!
Твои - изумрудные очи
и шепот бессвязный Сивиллы.
Я к людям спускался из башни
и нёс им пророчества слово,
но было другое им слаще,
но дать я не мог им другого.

* * *

Росмотри-ка, какая беда
приключилась?!
А всего лишь стена,
не гора
обвалилась.
Вековая стена
все обросшая мхом,
повиликой...
Огнеликой травой,
что рождается с мукой и криком.
Ни чего не случилось,
совсем ни чего не случилось!
Обвалилась стена,
в дом горячее солнце пробилось.

* * *

- Крапива, крапива, крапива! -
Так дразнил тебя я, шутливо.
Пока,
 в час назначенный свыше,
 с тобой не сошелся я ближе.
Черешенка!
Чернь по булату,
 рассекшему сердце мое...
Черкешенка!
Дочь Азамата,
 а всё остальное - враньё!
Соврали, как в бубны сыграли!
По школе пронесся слухок,
 что губы мои целовали .
 еще не привитый дичёк.
О Годы! О, пропасть пропажи!
Безглазое время - лети!
Что свяжешь,
 то память - развяжет,
 чтоб кровью стиха изойти.

* * *

Когда соединенные планеты,
сорвут с орбит хвостатые кометы,
кто этот год железный проживет,
тот многое оценит и поймет.

Как плоть хрупка!

Как горек плод любви!

Как сладостны влекущие объятья!

Что каждого,

призвавшего проклятья,

проклятия взрывают изнутри!

Тревожный год!

В чреде таких - свинцовый!

Влекущей властно из глубин души
пророчества Исаии и Иеговы.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Облака проплывают комочками ваты
ослепительно белой
из третьей палаты.
Коридором больничным
по лестничной клетке
и дорогой привычной;
подзвездной и "Млечной"
под Полярной звездой,
под Вегой
и к югу,
и к югу
чтобы там опуститься,
присниться там другу.
Чтоб увидел палату,
меня в этой, третьей палате,
как багровой струей
исхожу на закате.
Облака тяжелеют, темнеют
готовятся вздрогнуть от грома.
На губах у врачей созревает
последнее слово.

Страницы Памяти. М.Анохин

Еще тело дрожит
жизнь цепляется,
мучает тело,
Но ликует душа
в ней струна роковая запела.
Я гляжу на врачей и не лица их вижу,
а души ...
И все глуше их голос,
а лица суровой и суше.
Облака проплывают,
ласкают меня, увлекают...
Нет, не так умирают,
конечно,
не так умирают!
Так рождаются вновь,
в бестелесность
в свободу такую
по которой всю жизнь
я тоскою своею кочую.
Облака проплывают...
Я знаю,
теперь-то я знаю,
что с собой уношу
а что здесь оставляю.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Вишу статьи озлобясь "темой дня"
и в этой "злобе", чувствую - сгораю
с текущим днем я тихо отмираю.
Господь спаси!
Меня же от меня!

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Великие пророчества падут,
 весть сложится, разгладится, спрямится,
 в листве багряной ворохнется птица,
 густым дымком затлеет тертый трут.
И древняя, разорванная связь
 меж миром плоти и духовным миром,
 змеей, свиваясь и огнем светясь,
 протянет мост меж "Псом" и "Альтаиром".
Источник древних, ювенальных вод
 очистит гной, омоет наши раны....
"Не проклинай уродливый народ,
Не разрушай погосты и курганы.
 священных не касайся чертежей..."
И смолкло всё, и отлетело слово.
Луна в окно глядит мое сурово.
Час ночи третий - властный час нулей!

* * *

Текущий счет - бегущая вода,
случайностей приливы и отливы.
Жизнь мечет сети, ставит невода
и усмиряет гордых и строптивых.
Текущий счет - текучие дела,
как перистое облако в зените.
Итог таков: разбитое корыто.
или в меду умершая пчела.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Становлюсь я нехорошим;
 раздражительным и злым.
Запорошенным порошей:
 снегом мелким, ледяным.
Что-то главное сломалось.
Отлетело от души,
 то, что раньше трепыхалось
 и шептало мне в тиши.
Говорило и водило
 не за руку, глубже, там
 где царапало и било,
 воздавало по делам.
В этом мире не реальном
 плотском, скотском
 суть - земным,
 чтобы выглядеть нормальным,
 нужно сделаться пустым.

Страницы Памяти. М. Анохин

И почти опустошенный,
 понимаемый вполне,
 приземленный, обновленный
 стал противен сам себе.

Говорю, а сам не знаю,
 что такое говорю.

Обгораю, догораю
 словно свечка на ветру.

Но еще язык бормочет
 обветшалые слова,

Плоть еще чего-то хочет,
 бес ребро седьмое точит,
 но уже в покровах ночи
 гулко ухает сова.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Не к Элинам, к Ассирии идем!
И даже дальше —
 к нефтяным колодцам,
 к огнепоклонникам,
 огнепроходцам
и сами - пожираемы огнем.
И в факелах ревущего огня
(Куда мощнее, чем разгон ракеты.)
Я вижу: Стикс и берег зыбкий Леты,
 хромой Харон, хоронящий меня.
И хоры Ор, и Мойры болтовня,
 и гнев Ормузда, и удар Мардука,
 и интегралом взятая наука,
 всё - прожито!
Всё - свито и прошито,
 ревущими каскадами огня!
Сердцам - конец!
Отцам - конец!
Всему,
 что корчилось, стонало и рожало,
 что целовало, пело, обнимало
 и стало враз,
 ненужным ни кому!

Страницы Памяти. М.Анохин

Век двадцать первый - роющее рыло
у основанья жизненных корней.
Разодран парус,
сломано кормило
и лезут крысы изо всех щелей.
Закончился известный человек,
грядет иной
инакость поражает!
Как саламандра он в огне рожает,
огонь глотает, не смыкает век!
И золотом сияет голова
и сталью торс,
и медны его бедра
и сходна с вепрем, роющая морда
и громом отражаются слова.
И вижу я на небе черный крест
распластанный с Востока до Заката
на том кресте вся жизнь моя распята
раскатана в грохочущую жечь.
К Ассирии, к Ассирии идем!

Страницы Памяти. М.Анохин

Уже заложен камень Вавилона,
уже куется новая корона
что стянет мир железным обручем.

.....

Не ломитесь в открытые двери
абсолютных законов творцы.
Мир стоит на колоннах империй
и сосет у волчицы соски.
И квадриги - храпящие кони,
и ракеты - стальное копье,
всё - эмблемы имперской короны,
все - нацелены в сердце моё!
Подвывая, хрипя и стеная,
истребляя живое окрест
от заветного камня Синая
мы несем человеческий крест.
И покуда не вспухнут хлебами
обнаженные камни земли,
будем мы умываться слезами
и орать: - Расстреляй!
И расти!

* * *

А потом, а потом, а потом...

Что же будет потом?

Непонятно!

Вот скажу я словечко приватно

на ушко и забуду,

потом...

Но приходит "потом", как потоп!

Нет ковчега и спрятаться не где

и всё валится с треском, как кегли,

и опять говорю я - потом!

Сколько ж можно!?

Пора бы уже

что-то сделать сейчас и сегодня.

Вот дождусь только солнца и полдня,

расскажу, что скопилось в душе.

Вот и полдень, и солнце - в зените.

Я молчу, Вы меня извините!

* * *

Что время перед вечностью?

Ничто!

А потому и время как бы нету,

а есть поток,

вливающейся в Лету,

рулетка

и бочоночки лото.

Игра теней и страсти.

Ты - и - тень!

Так тянется упругая резина

от праотца к отцу,

от сына к сыну,

где сотни лет,

как миг,

как час,

как день.

Все сжато и растянуто.

Что сжато

отлилось в слове,

в пламени Эрато.

ГОД 1960

Это было золотое время,
 когда солнце било прямо в темя.
Голову кружило, как в кружале
 и размеры всяческие жали.
От рожденья сдавленные страхом,
 между дыбой вскормлены и плахой,
 упивались запахом свободы.
Так и было, в молодые годы.
А когда немного повзрослели,
 обстрогали души нам метели,
 солнце потускнело, зной - пропал,
 кто-то нищий,
 кто-то - генерал!
Жизнь, нас всех, расставила как надо
 но опять раздавленного гада,
 вскармливает бережно рука...

Страницы Памяти. М.Анохин

Где родник? А это всё - река!
Омуты, излучины и плесы,
слезы и не сбывшиеся грезы
в прежние зажаты берега.
Крикну: - Юность!
Но она не слышит
одна память прошлым
еще дышит
дышит, не надышится
поет.
Лед и пламя,
пламя, зной и лед.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Я из времени выпадаю
не частями, а целиком!
Ничего в нём не понимаю,
под каким ни смотрел углом.
Новых песен не понимаю,
новых веяний в кино...
Я, товарищи, пропадаю.
Вам, товарищи, все равно?
На местком вызывайте смело
и под сердце, вопрос, ребром:
- С кем ты снюхался, сучье семя?
В героическое наше время
хлещешь водку и глушишь ром?!
Да еще, говорят, стихами
разговариваешь ночами
и поскрипываешь пером?
Я вам искренне отвечаю,
на ваш праведный самосуд,
водки не пил и даже чая,
настоящего,
не дают.

Диспозиция тут иная.
У меня изболела душа,
 бестолковая, но живая,
 поболела и прочь ушла.
Но товарищи все - хохочут:
- Что ты сказки нам, здесь, плетешь?
Если каяться не захочешь,
 то сочувствия не найдешь!
Ястреб в небе, а мышка - в норке
я меж ними,
 весь на виду.
Уязвим для общественной порки
и общественному же, суду.
Я из времени, точно, выпал
и для общества я - пропал.
Как пропан из баллона вытек
и взорвусь я, как тот пропан.

1984-2000 г.г.

* * *

Скука, скука
я тебя - скучаю,
а когда-то я любил - любить.
Три конфетки к утреннему чаю
Троицу прошу я освятить.
Губы - не привыкшие к молитвам,
руки - не привыкшие к кресту...
Слабые и жалкие попытки
обратиться к Господу Христу.
Что просить?
Того и сам не знаю.
Сердце, ослепленное тоской
только воет,
воет и взывает:
- Господи, зачем живет живой?!

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

"И скучно и грустно, и некому руку подать...
(М.Лермонтов)

Все скучно и пошло.
О чем, да и с кем говорить?
Нет соли ни в ком,
а осталась лишь пресная сода.
И вовсе не гром
прогремел за открытым окном,
не ливень летел,
а стояла *такая погода.*
Такая погода
в душе у народа - давно!
тут ханские стрелы,
и панская речь - не основа!
Всё тускло и пасмурно,
песня и плачь - за одно!
Сколько зерна соберем -
столько в хлебе половы.
Из глубины веков,
из столетий беспамятной мглы
эта - тянется нить,
эта - вяжется смертная пряжа.
Беспричинно добры,
беспричинно же дики и злы.
Уповаем на Бога,
но больше надежды на князя...

* * *

У Наташки - дерзкие замашки,
в пору ей родиться мужиком.
У Наташки - жаром пышут ляжки,
шаг шагнет, а груди - ходуном!
Я сижусь, сжигаю сигареты,
воздухом отравленным дышу.
Вот пойду, куплю я ей конфеты,
а потом такое ей скажу...!
Что скажу, пока и сам не знаю
на губах лишь тень каких-то слов...
Майский вечер с губ моих смывает
эту тень, выстуживая кровь.

* * *

Там был устроен "Скотный двор",
стал президентом - хряк.
Там стая кур, столетний сор
гребла и так, и сяк.
Парламент был из индюков.
Работал только бык.
Иного делать он не мог,
поскольку так привык.
Бараны блеяли с утра,
бодались меж собой.
Так от хозяйского добра
остался свинорой.
Весь опыт жизни говорит:
- Скотине нужен кнут.
От демократии скотов
хорошего не ждут.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Черные пятна бурьяна
на побеленной земле.
Разреза - рваная рана,
такая же рана - в душе.
Вдовы роняют слезы,
но слышно, как в микрофон,
осанну черному богу
заводит вчерашний хор.
Бог черный, крови напьется
на время забудется сном.
Уродливый из уродцев,
до Господа вознесен!
Уголь, горячий уголь,
не горше ты вдовьих слез!
В Углич тебя
и в Суздаль
Товарный состав повез.
Огненным жаром в топках
плоть твоя изойдет.
Здесь же - все горе водкой
чумазый шахтер, зальет.

Страницы Памяти. М.Анохин

Не в строчку стихи ложатся,
не так, не про то, стихи,
но сняться ночами, снятся
чумазые мужики.

Раздавленные в забоях,
забытые навсегда....

Греет тепло живое,
продрогшие города.

Такая вот, правда жизни,
правдивее не найти.

Короткая, словно выстрел,
оборванного пути.

* * *

Дожди идут. Холодные дожди
Земля не в силах за день отогреться
И этот холод проникает в сердце,
А выстудишь - тогда добра не жди.
В холодный день, когда над миром ночь
Ты должен сердцу бедному помочь.

* * *

Холодная трезвость - ты скальпель рассудка!
Но я отвергаю твои притязанья.
Мне так, по-звериному,
веще и чутко
на долгой тропе,
в темноте ожиданья.
Откроются души людские, как чаша!
И нет в ней просвета
для вечного солнца.
Я пью через край,
пока горькая чаша
не будет испита до самого донца.
Я темен, как пласт чернозема весной,
доколе его не прошло побегом.
Я пахну тяжелой древесной смолою
и горькою коркой горелого хлеба.
Мне в мире тревожно,
а звездное небо
стекает тяжелым расплавом на веки...

Страницы Памяти. М.Анохин

И трудно понять, и принять не возможно!
Без всплеска текущие, черные реки.
Как раненый волк избегаю селений,
как беркут слежу я неистовым оком,
когда
пожирая и прах и коренья
толпа побежит по моим кровотокам.
Последние люди!
Вы первые люди!
Но к вам обращаюсь я
с горьким советом:
не верьте вождям!
Ни пророкам,
ни судьям,
но верьте поэтам!

* * *

Залетела пчела между стеклами рам,
а обратно никак
и гудит по утрам.
Только солнце пригреет
погудку играет она
по стеклу пролетает
как будто надеждой полна!
Я открою окно
распахну на восход и закат!
Ты лети куда хочешь,
но только не вздумай назад!
Запечатаю рамы,
закроюсь,
зажмусь в уголок.
Показала зима
ледяной коготок.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Сердце болит.
Окаянное, что ж ты болишь?!
Постоянна боль,
 как дурманнѣй гашиш.
И виденье встает
 из дремучей таинственной мглы,
 из подземных глубин,
 острием отточенной иглы.
И под левый сосок,
 где ты мечешься, словно в силках.
Одинокое сердце
 сгоревшее в прах.
Отступает виденье
 и боль отступает, и вот,
 ты из праха встаешь,
 и глаза у тебя на восход!
Жить хочу
 и весенний цветок целовать!
 и от радости плакать,
 что можно,
 и смерть побеждать.

* * *

«Сидели звери у двери...»

Б. Стругацкий

«Осторожно, двери закрываются».
В добрый путь...
Там ясно и светло.
На мои ресницы опускается
 божия десница.
Тяжело.
Мне заказан "добрый путь" и светлый.
В темноте пространства и времен,
 запечатан божьим словом крепким
 намертво к нему же пригвождён.
Грозные виденья из отрочества:
 плавится, сминается земля.
Я один и только одиночество,
 обнимает намертво меня.
Ни отца, ни матери, ни брата,
 ни кого...
Стеной идет огонь,
 скачет от восхода до заката
 красный всадник и кровавый конь.
Липкая испарина на теле
 горло давит смертная петля
"Двери закрываются", но звери
едут дальше...
 с ними еду я.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Сахар был сладок и горькой полынь
что ж тут такого?
Осень сдурела от запаха дынь
ты же - от слова.
Слово дурманное я говорил
к уху склоняясь.
Это сентябрь в мою жизнь подступил
шел,
не скрываясь.
Школьная парта и первый звонок,
сердцу тревожный.
Жизнь начинает свой древний урок,
будь осторожней!
Слезы соленные, кровь солоня,
сладкие губы.
В сердце твоём куролесит весна
звонкие трубы.
Стопка тетрадей лежит на столе
в классиках стены.
Средняя школа в далеком селе
время большой перемены.

Страницы Памяти. М.Анохин

Так и сошлись мы:

апрель и сентябрь,
сердце и разум.

Ворон осенний прокаркал:

- Ограбь!

Брось её наземь!

Брось её так, чтоб она проросла,
женщиной стала.

Все, что живет, истлевает дотла
это - не мало!

Каркает ворон - столетний колдун,
все переживший.

Взгляд твоих глаз, точно острый гарпун
сердце пронзивший.

Выбора нет, или выбор таков
вырвать мне сердце!

Я отрекаюсь от сказанных слов
в старость впадаю и детство.

К шутке свожу этот наш разговор
в классе остывшем.

И ухожу, словно вспугнутый вор
шагом неслышным.

ТИШИНА

- И куда ты идешь?
На какую идешь глубину?
- Я об этом сказать не могу,
я ищу Тишину.
- Но её уже нет,
даже дно сверхглубоких морей
полно ропотом сгинувших там,
кораблей.
- Ты мне хочешь сказать
Тишины не найти в глубине?
- Тишины не найти даже там,
в вышине.
В межпланетных пространствах
и звездных краях.
Тишина это - миф,
Тишина - это страх.
Этот голос во мне...
И кричу я Ему:
- Я хочу Тишины,
той, которой мы все,
навсегда лишены!

Страницы Памяти. М.Анохин

За её рубежом,
за пределами той Тишины
той, которой мы все,
навсегда лишены
голоса неземные отлично слышны!
Но бормочет во мне,
раздробитель фантазий и снов:
- Из каких это следует трезвых основ?
Все живое несет отрицание
той Тишины,
о которой тебе рассказали
какие-то сны.
- Только есть Тишина!
Все придут к Тишине
к той великой печали.
к извечной Стене.
И у этой Стены,
у порога моей Тишины
будут доводы Разума страшно смешны.
- Вы смеялись от страха?
Такого ни где не случалось!
У великих актеров
такое не получалось.

Страницы Памяти. М.Анохин

Говорите слова,
а за ними ни смысла,
ни толка!
Не на радость такие слова,
а на горе.
Говорить нужно точно,
что Волга впадает в Каспийское море.
Дважды два - есть четыре,
а все остальное - нелепость!
Вы давно заболели,
рассудка разрушилась крепость.
В сновиденьях своих
вы реальность давно потеряли
Тишины захотели,
но где Вы о ней прочитали?
Отвечаю ему:
- Прочитал про реку Тишину,
в ночь ледостава.
Весла месят шугу - тяжела переправа.
Только женщина знает,
как плыть по реке Тишине,
а мужчина не знает.
Женщина путь по реке Тишине
пролагает.

Страницы Памяти. М.Анохин

Это преддверие к той Тишине
изначальной.

Разум хохочет:

- Нет вести на свете печальней!

И Троя погибла

об этом слепец повествует.

Кто же тебя, наконец,

расколдует?!

Не было женщин,

что путь в ледостав пролагали,

тroyанцы Елены Прекрасной

не крали!

Все это бредни,

все вымыслы мозга больного,

Меня почитайте,

всему я опора,

основа.

- Этот спор бесполезен! —

Кричу,

задыхаясь от гнева.

— Я доподлинно знаю,

что были Парис и Елена!

И что женщина

правит всем родом людским - это точно!

Страницы Памяти. М. Анохин

Потому, этот мир обоснован
так прочно.
Я иду в Тишину,
чтобы ты мне о том не пророчил,
Я иду в глубину,
что темнее,
крамешнее ночи.
Где Отелло ревнует и любит Ромео...
Но врывается разум, кричит:
- Так твоя Тишина
и у самых корней голосами полна!?
Замышляешь совсем ты, безумное дело!
- Да, чтоб тело моё словно арфа запела!
- На какие её обрекаешь ты муки!
- Я хочу, что б из тел изготовили луки!
Чтобы добрые стрелы на них положили,
и тебя, в основанье твоё,
поразили!

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Защищается серость
и бездарность - вопит.
Скверно, Господи!
Скверна
во все окна сквозит.
Сукотит и талдычит
как во все времена...
И себя ж возвеличит,
аж, вожжою слона!
В падшем мире - не новость,
что бездарность в чести.
Дай мне, Господи, совесть
чтобы душу спасти.
Дай терпенье и силу,
чтобы всё перенести.
Чтоб не предал я Лиру,
не истёрся о лезье.
Чтобы слово,
которым
ты миры создаешь,
я не сделал укором,
как банальную лож.
Чтоб в часы откровенья,
навещала меня
твоя власть и терпенье,
твоя мощь и броня.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Срывается с крыш и балконов капель,
весна полонила округу.
И бесы под ребра,
и в голову - хмель,
и дальше - по вечному кругу.
Ни сколько не ново
старее старья
древнее преданий и мифов
а все ж,
когда слышу я крик журавля,
я нечто особое слышу!
Когда скворцы прилетают с пургой
и гуси идут за циклоном
я так не доволен собой и строкой
что весь наполняюсь звоном.
То сердце о тесные ребра стучит,
а совесть?
А совесть весною молчит.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Мадам, ведешь себя нахально!
Не понимай меня буквально,
а переносно, понимай.
Мадам, умерьте дозу гнева,
ведь тридцать лет как Вы не дева,
не Герда Вы, а я не Кай!
Когда Вы юны были, свежи
позывы к сексу были реже
сейчас хватили через край.
Мадам, не Вас,- себя обидел
причина - жизнь возненавидел
и жизнью - жизнь возревновал!
Вы - жизнь,
а я давно уж нежить,
а нежить разве может нежить
и жарко в губы целовать?
Мадам, Вам это не понять.
Вы, по животному природны
в грехе - безгрешно бесподобны
ну, чем мне Вас еще занять?

Хотите, есть вино и водка
в кастрюльке - старая похлебка
кусочек сыра, кофе, чай?
"Под шубой" жирная селедка
бери и смело раздевай!
Когда-то было по-другому
я жаждал мяса...
Жру солому,
и благодарен за траву...
И за отраву, за твою.
Мадам, на улице весна
она летит и всех щекочет
она над старостью хохочет
она безжалостно права
и точка, ни к чему слова!

* * *

Ни кого не нужно слушать,
слушай только сам себя.
Чутко слушай свою душу
с ней,
ликуя и скорбя.
Только там,
в глубинах тайных.
в темном омуте
найдешь
красоты необычайной
бриллиантовую лож.
Околдует
и затянет
не отпустит от себя
всеми гранями изранит
и окажется - судьба!

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Черти в омурах - птицы в небе
черви точат земную плоть.
Человек, о насущном хлебе
размышляет и день, и ночь.
Даже манны ему небесной
не хватает - давай мяска!
Бессловесную тварь
словесной
сделал Бог,
но взяла тоска.
Слово к слову и вот - вопросы...
От чего, почему и как?
Жалят с лету, как жалят осы.
Разум в панике - всюду
мрак!
Нет ни доброго, нет и злого
вправо - влево
не всё ль равно?

Страницы Памяти. М.Анохин

Но грохочет пророка слово:
не должно так быть!
Не должно!
Голос вкрадчивый,
голос - шепот
изливается, как бальзам
только в сердце
чуть слышен ропот
со слезами
на пополам.
- Просвещу я вас
мраком жизни
вопрошаниям научу...
Станут патокой ваши мысли
уврачую вас
заверчу...
Закручу, понесу и скину
Будут слезы
и будет смех.

Страницы Памяти. М.Анохин

Опрокинешь жену на спину
сладкой мукою
станет грех.

Этот шепот
и дальний топот...

Лязг щитов и стрелы напев...
И подземный, глубинный рокот
всё горстями и все в посев.

Черти в омуте - птицы в небе
человек по земле бредет.

За собой оставляет пепел.
Впереди его - тьма и лед.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Дело одно есть,
важное дело,
тянет оно
на дно
тело.

Взвесь его,
если чем взвесить
есть?

Юпитер,
может ты - дашь опору
весам?

Тяжесть
непереносимая тяжесть
ляжет
на твои млечные облака
там.

Страницы Памяти. М.Анохин

А пока,
несу я тело своё,
грязное тело.
Дело есть одно,
важное дело,
вплавленное в бытие.
Если тело,
храм Божий для души,
то, что же такое
тюрьма и оковы?
Господи,
подскажи?!

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Сижу, подкарауливаю слово,
сказать точнее: вещий знак его.
Хожу, хожу
выхаживаю слово
и отвращаю взоры от всего.
Так час за часом
день за днем проходит
слова идут,
но слово не приходит!

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Дожди и грозы,
 грозы и дожди
 угрозы неба грешному народу.

А ты мне шепчешь:
- Милый, согреши
 в угоду телу
 в эту непогоду.

Там плачь и горе
 здесь - любовный вздох.

Там шествие за гробом,
 здесь - потеха.

Разорван мир,
 разодран и оглох
 от горьких воплей,
 от шального смеха,

Дожди и грозы...
Грозы пережди!
Но ты смеёшься,
 бедрями качая.

Откуда ты?
Зачем же ты?

Шальная...
 от этого дыхания любви.

* * *

Жалость - жалит.
Железо - режет,
а сновидящий видит сны.
Крылья тьмы
расправляет нежить.
Нет свободы
и нет тюрьмы.
Все что истинно,
то - банально.
Правда водит под ручку лож.
И стыдливость
всегда нахальна.
Что к чему тут
и не поймешь.
- Будь ты холоден,
или огнен.
Будешь тепел, то изблюю.

Страницы Памяти. М.Анохин

Я - ревущее пламя сопел,
извергающееся
в Илию.
Мир разорван,
а посредине,
как былинка на всех ветрах
не в середке,
а по средине,
по грудине,
по пуповине,
человек утонул в слезах.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Эту девушку не любил я.
Так, случайно, в вагоне встретил.
Словно ангел, сложивший крылья,
в белом платье...
В тот горький вечер
от меня уходила юность,
торопливо, не осторожно
я спросил её тихо-тихо:
ангел Божий,
ну, как так можно?
Эту девушку не любил я,
не касался её губами,
так, случайно, в вагоне встретил
в белом платье
в тот горький вечер.
И об этом стихи сложились
без особого в них подтекста.
Жили-были,
когда-то жили
он - жених,
а она - невеста.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

В этом домике скромном
и маленьким,
где за окнами снег да полынь.
В не затейливой вазочке
аленькой
словно сгусток огня - георгин.
Видел тонкие, бледные руки,
что тянулись к нему по утрам.
Ах, зачем мне душевные муки,
эти слезы с вином, пополам?
На весенней лужайке,
проталинке
первоцветов букет соберу.
Что ты плачешь, зайчонок мой
маленький?
Я давно тебя нежно люблю.
Увезу тебя в дальние страны.
Круглый год там цветет апельсин.

Позабудешь снега и туманы,
как горел на окне георгин.
Ты научишься светским манерам,
по паркетам шелками шуршать
и шептать, на ушко, кавалерам,
то, что мне ты не стала шептать.
В этом домике скромном
и маленьким,
где за окнами снег да полынь.
В не затейливой вазочке
аленькой
словно сгусток огня - георгин.

* * *

Какое счастье в тающих снегах
увидеть белый венчик первоцвета?
Дотронуться до будущего лета,
до горечи, саднящей, на устах.
Не странно ли? Такое время года,
а горечью наполнена природа.

* * *

Закрой мне очи светлый ангел мой,
чтоб я не видел мерзких рыл порока,
чтоб воссиял над грешною душой
нетленный свет библейского пророка.
Закрой мне уши светлый ангел мой,
чтоб я оглох средь гомона людского,
чтобы душа осталась бы с тобой,
что бы в неё проникло Божье Слово.
Прошу не по заслугам Благодать.
Пресветлый ангел, дай себя понять?!

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Заговариваю,
говорю...
Я, хоть что-нибудь понимаю?
Я - свечей восковой горю.
Я - пожаром степным, пылаю.
Если это и есть – любовь,
то глубин её не измеришь.
Не найдешь её берегов,
и на истинность не проверишь.
Я играю в твою игру
все, что скажешь,
то повторяю.
Я свечей восковой горю,
я пожаром степным, пылаю.
Что останется?
Так, зола!
Там, где яростно пламя било.
Не держи ты
на сердце зла,
ты, которая, не любила.

* * *

Играть нечего!
Абсурд - вечен.
Входишь пританцовывая
в этот
вечер.
Господи Боже!
Как хороша,
как притягательна плоть - не душа!
Кружит голову древний хмель,
удержу нет -
просыпается зверь.
Грудь оголена
сосок тугой.
Плати и лапай
шлепай губой.
Вылизывай тело,
чтобы оно
струной запела
тело - вино!
Тело - вина,
не твоя - моя
красная малина
Ма-ли-на-а...

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Жизнь пройдет, как проходит лето:

с громом, с ливнями,

с ясным днем...

Но при этом,

одна примета

есть особая,

с тайным дном.

Кому громко трубили трубы,

тот оплеван,

или - забыт.

Лету будущему не любо,

лета прошлого

колорит.

И, хотя, по вечному кругу

все вернется, что было

вновь

Подтяни у коня подпругу

в дальний путь себя подготовь.

Лошадь старая

жизнь - не нова

только внове твоя судьба:

эта - старенькая подкова

эта - новенькая труба.

* * *

Душа обязана болеть,
 поскольку есть за что стыдиться.
Душа молитвенна,
 молиться:
 на милость уповать и смерть.
О, смерть! Сладчайшая из тайн!
Несущая холодный ужас!
Сколь одолела твердых мужеств
 твоя невидимая сталь?
И я, седею головой,

поник.

Стою перед тобой
 и содрогаюсь от смущенья...
Господь! Пошли и мне смиренье,
Как ты послал тогда, Христу...
Когда подвел его к кресту...

* * *

Ветер, ветер перемен,
переполненный измен!
- Нет преступности такой, -
крикнул ветер огневой, -
чтобы я не оправдал!

Крикнул и,
захохотал.

Над домами, над гробами,
над поверженной судьбой,
пролетает, на "лихой"!

- В ком нет воли, побеждать,
кровь со слезами глотать,
сторонись!

Не то - сшибу!

Крикнул ветер, как в трубу.

Та труба, или не та,
иерихонская беда?

Ветер, ветер перемен!

Хлещет кровь
из вскрытых вен.

Пролетает над страной,
надо мной и над тобой.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Секущий снег.
Земля под коркой льда.
В сердцах людей кипит
 глухая злоба.
А в стороне,
 намеренно,
 особо
 сияют позолотой купола.
Храм Господа над грешною землей,
 как бы плывет
 в метельной,
 зимней стуже.
Он, этой стужей ледяной,
 контужен
 и потому безмолвен,
 и глухой.
Лишь иногда,
 в осенний листопад,
 он что-то скажет
 громом колокольным.

Страницы Памяти. М. Анохин

И этот гром
в своем раскате сольном,
с грозой осенней,
грохнут невпопад.
Да, не о том,
что накипью в душе,
до каменной твердыни закипело!
Глаза иссохли!
Изболело тело!
И жизнь не в жизнь,
а так - крошечный ад.
Вот почему над миром,
что контужен
плывет, плывет
тот
колокольный ужас?

* * *

Здравствуйте!

Вы дома, товарищ Тома?

Имя мое для Вас знакомо.

В имени этом слышится хруст,
когда оно срывается с уст.

Звоню Вам по срочному делу,
по телу Вашему скучаю.

Мне Ваше тело не надоело.

Вот такое мое
срочное дело.

Вы спрашиваете:

- Как Вы меня называли?

Зов мой, крови Вашей зов,
так, Вы мне сказали.

Звоном хрустальным бокала
в зале

Вы, меня называли.

И еще - небом звездным
и тысячами иных слов,
что приходят к нам
из глубин снов.

Страницы Памяти. М. Анохин

Вспомнили?
Поняли?
По-яли?
Как Вам играется на рояле?
Простите, что напоминаю о себе,
 о своей нескладехе - судьбе.
Все это мелочи, мелочишка
Вы были девушка,
 а я - парнишка.
Прощайте, товарищ Тома,
 это звонила моя истома.
Не обращайтесь внимание,
 это пройдет.
 томленье не вечно,
 вечен лед.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

- Осока, осока, не ходи далеко...
Бабка на завалинке,
а я - маленький.
- Будет тебе бегать по злой траве,
по злой траве по резучей...
Выползет гадюка злая-злюка
хватит за пятку,
пятка всмятку...
- Бабушка, я везучий!
- Ш...ш...ш.. внучек.
Судьба услышит
на бересту запишет,
сожжет бересту-то...
- Солнышко весеннее
греет висок.
- То-то, осторожно с судьбой,
внучок.

Страницы Памяти. М.Анохин

Развалена завалинка,
 бабка в земле...
Ветер голодный свистит в селе.
Пепельной стала моя голова.
Бабушка-голубушка,
 ты - права!
Сижу я старый
 внучок егозит,
- Деда, дедушка
 ножка болит.
- Не бегай по осоке
резун-траве
 бегай внучек по мураве...

.....

ИРОНИЧЕСКОЕ

Мерзнет мое тело.
Что ты, мое тело
в шубу не одела?
Всем известно:
в шубе мягко и тепло...
Если не хотела
обустроить тело,
то такой поступок
выглядит пошло.

Лягу я на спинку,
кликну дуру-Нинку,
прямо ей скажу:
Дурочка ты, дура!
Видишь, мерзнет шкура,
это - не к добру!
А она, конечно,
засмеется грешно:
"Ой, - мол, - не могу!"
Точно, бабы - дуры!
Окромя фигуры
ни хрена, в мозгу!

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Т ак красив этот розовый куст,
так дурманит цветов аромат,
что щемящая, тихая грусть,
словно лебедь спускается в сад.

Ах, лебедушка, с белым пером
мы остались с тобою вдвоем.

Тронешь чуть этот розовый куст,
зазвенит на листочках роса.

С нежным звоном тех крохотных люстр,
открываются небеса.

Синь небесная, синий дым,
был я русым, а стал - седым.

Одурманил цветов аромат,
словно выпил хмельного вина.

Лебедь белая - белый наряд
моя венчанная, жена.

Ах, лебедушка, с белым пером
мы навечно с тобою, вдвоем.

РЕПЛИКА В СПОРЕ

Бог рассудит нас,
разберет.
Разведет по углам нас,
разным;
по квартирам,
подъездам грязным,
потому как - его мы, скот.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

*Кош-Агач, "Прощай дерево".
Районный центр в Горном Алтае.*

Лывет луна, как желтый щит монгола,
пустынна степь; щебенка, да полынь
до снежных гор,
до звездного престола,
где ни ступи,
куда свой взгляд ни кинь.
Здесь - Кош-Агач!
Здесь, в глиняных домах
ютятся люди,
а на крышах - козы.
Бесснежные здесь властвуют морозы.
Здесь мир трепещет на "семь ветрах".
Лишь Чуйский тракт,
как черная змея
здесь,
выпрямившись,
режет степь Курая.
И, головой границу подпирая,
вдруг прошипит: «Приехал, Ташанта!»

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

- Лебедя плывут! Лебедя!
К озерку бежит ребятня.
А над озером - белый дым,
мы лебязьем пером горим.
Ах вы, лебеди, лебедя!
Крылья по небу разведя,
пролетаете над селом,
над моим, таежным, углом.
В моей памяти, давних лет
лебединый остался след.
Тёмна в озере том вода,
вы не свили себе гнезда.
Ранним утром, взмахнув крылом,
плыли в небе вы, голубом.
Только перышки на воде...
Белы лебеди, где вы, где?

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

В мансарде, за столиком грязным,
дрожащей выводит рукой:
"Карябает сердце кораблик,
тяжелой обшивкой стальной..."
А дальше; сбежались все буквы
и слились в чернильном пятне,
похожим на хвостик от брюквы,
лежащей на этом столе.
Потрескалась древо киота,
Рассыпался медный оклад,
когда схоронили "зелота"
сонетов, поэм и кантат.

* * *

Трещат над осокой стрекозы
и линзы фасеточных глаз
на тысячи кадров разложат
и эту осоку, и нас.

И будет отснято движение,
и бедер твоих, и сосцов.

Неверные, как сновиденья,
Как образ ушедших отцов.

Летали стрекозы над нами
их древний трещал аппарат.

За тем ли,
чтоб прошлого снами
разодран я был,
и разьят?

* * *

Застыли как древние мухи
в тяжелом куске янтаря;
блестящие мифы науки,
трагичные мифы пера.

И, что же осталось в итоге
под небом, где истина - дым?
Остались бессмертные боги,
голодные - злоим.

* * *

В день третий,
похожий на среду,
посредственностью ослов.

Сказал я, своему соседу:

- Пойду-ка доить я коров!

За длинные сиски я дергал

и нежно сжимал их в горсти,

и полные ведра восторга

мне было

не донести.

Я видел, как плачут коровы,

я видел их томную страсть,

коровы...

Да, что там коровы?!

Коровы не деньги, не власть!

* * *

Хрустит в зубах ледышка-карамель,
 посасывают губки сладкий холод,
Стоит на перекрестке мадмуазель,
 а я - иду, до неприличия, молод.
- Эй, паренек! - Кричит она мне в след.
- Не дорого, а молодым, так скидка!
Так я узнал, что проститутка, Лидка
 за просто так, не разберет постель.
Ах, карамелька - сладкая игрушка!
Ты плачешь? Плачь!
Есть мамина подушка...

* * *

Что ты хочешь, Бельмондо?
- Хочу пальто,
хочу - манто!
Ты, понимаешь, Бельманда,
что не куплю тебе пальта?
И будь ты трижды Бельмондо,
я не куплю тебе манто!

* * *

Восьмерки сыграют заглавную роль,
шестерки - подсуеются.
Один остается червонный король.
Я, пробую, отыгратьяся.
Но дерзкая мелочь без удержу прёт
и карта не в масть то и дело!
Судьба не тасует,
а смерти сдает
мое непотребное тело.
Играю всю жизнь я в такую игру
ни встать и не выйти, хоть тресни!
Сейчас сигарету свою докурю
и снова поставлю на крести.
На крести, на крест
над могильной плитой...
Последняя ставка,
в игре роковой!

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Там сигара горит во рту
толстогубых мужчин - утеха.
Краны, башенные в порту
грузят кофе,
"картечь" ореха...
Там красавицы - первый сорт!
Зажигательная ламбада.
Там не дует холодный норд,
вековечная там, прохлада.
Мной придумана та страна,
когда я, над вином склоненный,
остаканеный весь, до дна,
жил надломленный,
ослепленный.
Ты спасала меня тогда,
зарифмованная ламбада.
День за днем истекли года.
Осень. Шорохи листопада...

* * *

На зеленом сукне изумруд.
На зеленом сукне умирают.
О, мадам, не сочтите за труд,
эту карту открыть,
ту, что с краю.
Ах, мадам!
С Вашей легкой руки
я, похоже,
опять оживаю.
Не на деньги,
на жизнь я играю,
с Вашей легкой, изящной руки.
На зеленом сукне
зелена
опрокинулась чаша вина.

* * *

Чадят огромные костры,
как в преисподней.
Свалили в кучу и зажгли
хлам, прошлогодний.
Что делать, Господи, скажи,
где мне укрыться?
Вокруг меня - горят костры,
тупые лица!
Порою кажется - меня,
сжигают.
Но сами этого они,
увы, не знают.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Слишком много чего такого
будет падать к твоим ногам...
Камни рушит живое слово
нас,
приравнивая к богам.
Только вот она, "незадача":
плоть к бесплотному приравняв,
человоко-бог
на карачки
встал,
завыл,
безобраз,
слюняв...
Бесподобное и подобно,
дух и тело,
воля и плоть...
Настороженно, осторожно,
остроглазо вступили в ночь.
Прочь из плена - вольное слово,
сокрушающая гранит!
Но и это, давно не ново,
это - вечность в ушах звенит.
Воля вольная - сила злая,
необузданная ни чем.

Страницы Памяти. М. Анохин

Ты, сгибаешь меня,
тугая

ты - другая,
не та,
совсем!

Когда сходит любовь на землю
из-за облачной высоты,
узнаю в ней,
все ту же стерву,
что на крышах дерут коты.

Так и с волей,
и вольным словом
с идеалами чистоты...

Вечно истина ходит голой,
не стесняется наготы.
Без моральна и не потребна,
но востребованная - для всех.

Бессловесна и бесхвалебна
она - горечь, порок и смех!

Она - слезы, что сушат горло
она - "Я", что меня скребет.

На далеком скалистом взморье
мне ломала она,
хребет.

* * *

Истина,
та самая, что ждал
ко мне пришла.
Я - вздрогнул, не узнал!
Как нищенка стояла у дверей
и рвань заплат,
вот всё, что было с ней.
Переступая через мой порог
она сказала:
- Как ты одинок.
Ты, звал меня.
Ты видишь,
я пришла.
Жизнь - ткань канвы,
ты - нитка
я - игла.

* * *

- Все! Все не так!

Голос не новый...

- Проволокой проволоку,

ниткой суровой

душу с основой сошью!

В сонную тишину,

голову заверну,

в ней изойдешь истомой.

Ночь за окном...

Ночь.

Где же твоя дочь,

ночь?

Как ты долга,

саваном - звездные твои шелка,

ночь.

Ты со мной говоришь, ночь?

Или это под окном шуршит камыш?

Осенние дожди стекают с крыш,

птицы летят на юг,

а я до сих пор не пойму,

кто мне враг,

а кто друг...?

- Спишь ты, спишь...

сны твои - явь

прояви сны свои,

в душе омой их...

Страницы Памяти. М.Анохин

Конечно, обои,
 обой особый,
 видишь бордюор каймой золотой,
 ты - не особый,
 нет - не особый,
 ты – мой!

Чересполосица!
Кружиться вокруг меня
 вьется
 разноголосица!
Только эхом в голове разносится:
 чертополосица!
Вылетели из головы слова молитв
 бормочется:
- Литр, за литр...
Скорей бы пришло утро
 и стерло все,
 что нашептала мне ночь.

Утро!
Утри мои слезы,
 утро!
Мне уже жить не в мочь...
Как долго ты не рожаеть,
 новое утро, ночь?!

ПОДРАЖАНИЕ ОВИДИЮ

Снова ты вскрыла во мне древнюю язву.
Цепи твои, Гименей - шею натерли мою.
Вижу Венеры пупок.
Что мне твой лотос и роза?
Шепчешь мне:
- Милый замри, я поцелую тебя.

* * *

Ды переходим к осени, к зиме,
а это означает - переводим
все мысли о себе и о душе
на мысль одну - мы навсегда уходим.
Ногой сгребаю в кучу жухлый лист
озноб в крови становится сильнее.
Я понимаю - это Лорелея.
В крови её художественный свист.
Всё понимаю!
Жизнь прожил не так,
как было заповедано с начала.
Она меня трепала, как мочало
и это факт.

* * *

Т ак любить и так ненавидеть
можно только в жару,
в бреду..
Как глупышка тебя не обидеть
отвести от тебя беду?
Пламя страсти и холод страсти,
как морозная сталь к губам..
Разрываешь меня на части,
недоверчивая к словам.
Да и сам я словам не верю
и особенно тем, что с губ
я срываю,
подобясь зверю
в естестве своем прост
и груб.
Просыпаешься, воскресаешь...
Открываешь свои глаза.
Мной не проклята - проклинаешь.
Отпусти меня?!
Опускаешь
страстью,
выжженные глаза.

* * *

Это странное чувство,
что я, изменяясь, всё прежний.
То ли память чудит,
то ли в правду бессмертна душа.
Когда нет мне надежд ни на что -
продолжаю я бредить надеждой
и живу как богач,
хотя нет за душой ни гроша.

* * *

Какие-то силы и власти
столпились. Трепещет народ.
Вещуньи пророчат напасти:
пожары, грабеж, недород.
Как будто из прошлых столетий
лихие пришли времена:
в трущобах звереныши-дети
и всюду разврат, как чума.
И только сирень под окошком
цветет, и не знает забот.
В ней каждая пчелка и мошка
приют и надежду найдет.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Схороните меня по быстрому,
без особых на то затей.
Вы на пристани, я за пристанью
в море Ужаса и Скорбей.
Если сможете - помолитесь
за спасенье моей души...
Не преклонные - преклонитесь,
что-то вспомнится вам в тиши...
Что-то чуточку, малость самую
приоткроется вам, тогда...
Муку вечную, рядом с мамою,
и с отцом,
разделю и я.
Было радости на три короба -
нынче скорби на целый воз.
Душу черную, душу борова
я по жизни своей пронес.
Если сможете - помолитесь
за спасенье моей души.
Был я полон,
да в жизнь весь вытек...
Воск течет к огоньку свечи.
Ты, поплачь по мне...
Помолчи...

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Этот месяц ятаганом висит,
этот месяц ураганом грозит.
Он на кражу пойдет, на обман
и кочует над землей, как цыган.
Он в одно окно заглянет - пройдет
а в другом окне поживу найдет.
Зазнобит молодку во сне,
скиснет в творог молоко на столе,
да не дорог этот творог ему,
по весне тоскует.

Видно по всему,
скучно месяцу на небе одному.
Этот месяц - он такой хулиган
и на кражу пойдет, на обман.
Душу выпьет и в колодец она
упадет,
и светит у дна.

Как мне душу из колодца достать,
чтобы вдосталь миловать-целовать?
Ах, душа моя голубка, душа
до чего же ты была хороша!
Да на зорьке, на весенней зоре
вышел месяц погулять во дворе.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Ты - желанная
ты - хорошая,
говорил, целовал в уста.
С неба сыпало
снега крошево,
но цвела твоя красота.
Уходит время в прошлое,
а нам с тобой не верится,
что это - жизнь порошится,
что это - жизнь метелится.
Все дети стали взрослыми,
а мы с тобой – состарились.
Ты видишь небо звездное,
я - вижу очи карие.
Все думы передуманы,
слова любви - все сказаны...
Какие ночи лунные!
Все в черный креп обвязаны.

* * *

Танго, аргентинское танго
в моем сердце живет.
Ты, в ситцевом платье.
Гибок стан под рукой.
В пылу объятий -
сладок уст твоих мед.
Над полночным горсадом
наше танго плывет.
Все это было
и ушло в никуда.
Смыло все время -
хмельная вода.
Уста остыли -
потускнели глаза.
Как Вы любили -
забыть нельзя.
Над полночным горсадом
наше танго плывет.
Посиди со мной рядом -
оно подождет.
Не нам играет
труба и кларнет.
Не для нас набирает -
черемуха цвет.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Росреди бетонных стен,
где мы оба и обои
не сулят нам перемен,
тех, которых оба стоим.

Мы - внутри бетонных стен.

Наши окна - на закат.

В наши двери - дует Север,
листья желтые летят.

Всё. Устали лицемерить,
наши окна на закат.

Что мы стоим?

О том - воем.

Где стоим мы?

Там - молчим.

Буря мглоет небо кроет

Мы - снежинками летим.

* * *

Бесстрастно, просто, равнодушно
вещать газетным языком,
о том, что важно и насущно,
как про ньютоновский бином,
нет сил моих.

В своем бессилье
мечусь меж небом и землей!
И опаляю свои крылья
заоблачную высотой.
- Иди пророк и виж, и внемли...
Как меди праведной набат!
Оглохла даль, ослепли земли
лишь бездна зрит и внемлет ад.
И выходя на перекрестки
случайно встреченных дорог
я вижу только козьи ножки
и след резиновых сапог.
И нет там знака человека,
езде копытные следы,
а если встретиться - калека
напрочь оглохший от беды.

За синем морем, за песками
в янтарном тереме своем
заперты мертвыми ключами
слова, которыми живем.
А нам достались оболочки
сухие раковины слов.
Да россыпью, тире и точки -
овес для коз и для ослов.
Иди пророк, иди в пустыню
и камням проповедуй там
и не меняй на хлеб - святыню,
и бисер не мечи свиньям.

* * *

Ты играла мне на гитаре,
три аккорда хватало страсти,
чтобы вырваться на свободу
и свободно пленить меня.
Ты мне пела про бригантину,
про таверну,
лазурный берег,
и про город,
что взял однажды
черноглазую в свой полон.
То ль мы - половцы,
то ль - поляне?
Не расслышать мне зова крови
столько раз её проливали,
проливали - переливали
и уста я твои, до крови
в этот вечер зацеловал.
И как водится, что-то видится
что-то блазнится, что-то шепчется.
Волос черный крылом вороньим
накрывает мое лицо.

Страницы Памяти. М. Анохин

Спой мне песню свою о вороне
как он выклевал очи светлые,
чтобы видеть душой – невидимое,
чтобы ухом слышать – неслышимое,
чтобы чують беду грядущую,
чтобы зрячих людей будить.

Когда пела ты - мне не верилось,
а теперь, вот, собой проверилось.
Очи ворон мне все по выклевал
и унес к себе, на погост.

Ты играла мне на гитаре,
три аккорда хватало страсти,
чтобы вырваться на свободу
и свободно пленить меня.

Было что-то еще, или не было
память мне о том – не поведала.

* * *

Там, где были слова и рассудок,
там уже ни чего не найдешь.
В дуновениях века и суток
всё одно - обнаженная ложь!
Лжет природа, язык и натура.
Растрепалась на лживом ветру
обнаженная чья-то фигура
сопричастная, внешне, Христу.
Не узнаю, узнав же - не вздрогну,
не зальет мое сердце слезой.
Сколь веков христианскую догму
разбавляли проточной водой?!
И не горько теперь, и не больно
среди гомона светских утех.
А над миром свободно и вольно
разливается похоть и грех.
Бог простит!
Милосерден Всевышний!
Мы живем под защитой Твоей!
Но из грязи взывает к нам нищий,
среди золота русских церквей.

* * *

Травка зеленеет
 солнышко блестит.
Серенькая мышка
 в травке шелестит.
Я уйду навечно
 в дальние края.
А пока - беспечно
 прозябаю я.
Рваные ботинки
 старое шмутьё,
 лишь горшки, да крынки
 и то, не
 моё!
Ласточка с весною
 в сени к нам летит,
Сени мои сени -
 деревянный скит!

* * *

Найдя приют у стен причала,
баржа
тихонечко стонала.
Своей раздолбанной кормой,
канаты терла у причала.
Но кормчий пьяный
с грязной шлюхой
заперся в кубрике и там,
он что-то шарил по трусам
и скуку жизни звал он - сукой,
и раздевал по вечерам.
Баржа тихонечко стонала,
когда далекою волной
её над пирсом поднимало
и что-то шарила кормой.

* * *

Полюнь перезрела и желтой пылью
ложиться на брюки проходим.
А август, какой то совсем не такой,
на август ни чуть не похожий.
То холод, то дождь,
то туманы ползут
низины собой заполняют.
В них кто-то крадется,
кого-то крадут
кого-то взорвали,
взрывают...
За низкими тучами, выше - плывут
бесплотны, как ангелы - души
Хоралы, небесные песни поют,
не слышим - по заткнуты уши.
Полюнь перезрела и желтой пылью
ложиться на брюки проходим.
И август проходит с дождем и грозой
на август совсем не похожий.

* * *

Целый месяц выводит на случку
мой сосед, свою рыжую сучку.
Только разные взгляды у сучки
и соседа, по поводу случки.
Так кобель, что по нраву соседу
был доставлен для случки к обеду.
С ним сучонка вязаться не стала
возмечтала всей страстью к шакалу.
Телевизор смотрела, сучонка
и в конец совратилась душонка!
Видно в Африку ехать соседу...
И поедет, как будто бы, в среду.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

*Сердце мое не приемлет лукавости
Чужды мне подлость и лесть.
Нету во мне ни корысти, ни зависти -
Только свобода и честь.*

Л. Гержидович

Честно ли прожил я жизнь, иль лукавил?
Смею ль судить я о том?
Горстку стихов настоящих оставил...
Только о том ли?
О том
я говорю в этот час новолуния
в мертвенный свет, упирая свой взор?
Звездочка, звездочка, что ты - шалунья
делаешь в сердце моем?
Все, что я знал о себе - перечеркнуто.
Все, что сказал, то в укор.
Выпукло, вогнуто время разверзшее
тайно крадется, как вор.
Все унесет, подчистую все выгребет,
память сотрет о былом.
Голову выбелит
голую выстудит
и по делам,
поделом...

Честно ли прожил я жизнь, иль лукавил?
Совість, меня рассуди!
Все, что скопил - все до крошки оставил.
Думы, заботы, труды...
Все, что пропитано потом и кровью
 все, что сквозь сердце прошло.
Смешано с прахом, оплачено - болью,
 что же еще-то,
 еще...

* * *

Смейтесь, иначе придется вам плакать.
Плачьте, иначе раздует от смеха.
Нет - говорите,
 иначе придется вам "такать".
Мудрые мысли, лишь грохот пустого ореха.
Истины ищешь?
Тогда удаляйся от жизни.
Жизни желаешь?
Об истине ты позабуди.
Но повиси на кресте
 между твердью и небом зависни,
 может тогда переборешь ты
 смертную жуть.

* * *

Бледные устрицы моря
жители донных глубин,
всплыли, себе мы на горе,
в даль стратосферных равнин.

Все, что теперь не истаёт
с воском церковных свечей
в бездны вселенной всплывает
душами бывших людей.

Бледные устрицы моря
звезд отгоревших – утиль,
кладбище муки и горя,
плесень Вселенной,
и ПЫЛЬ.

Вот имена человека
подлинные имена,
Вся его суть - подоплека
мера и вес, и цена.

* * *

Как редко я смотрю на звезды
как редко голова моя
приподнимается туда,
где чистый свет и горный воздух.
Свиньей родился и живу
в благоустроенном хлеву.
Я научился громко хрюкать
ноздрей рулады выводить
короче - научился жить,
срать под себя и тихо пукать.
Обычай свинства я постиг,
еще бы прикусить язык.

* * *

Крутиться вертится, пляской разорванный
очень смешной, до потехи, мужик.

Мир обворованный, им околдованный
банным листом к его заду приник.

А в стороне от гулянья народного:

в драном пальтишке, худых башмаках,
видно безродная,
слово Господнее,

девочка молча купает в слезах.

В час, когда мир этот подлый отвертится,
чтобы у Господа мир отмолить:

станет девчужка - Иисуса наперсница,
слезы пред Господа лить.

Не проклянет, не помянет бездомная
черствых людей и горючих обид.

- Господи, Господи - сила в нас темная,
может любого свалить.

Хочешь, еще раз пройду по ристалищу
только продли
хоть на толику малую
мира бесстыжего дни.
Матерь ты Божия - мира заступница,
Господу слово скажи.
Я ль - супротивница,
Я ль - не послушница,
в мире, где всё - миражи?
Крутиться, вертится пляской разорванный
мир, где потеха - не грех.
Слезы бездомных,
душевно надорванных -
всё обращает в грохочущий смех.

* * *

В глубину-глупину я иду осторожно.
Глубина-глупина не страши,
не пугай,
если это возможно.
В черном омуте дней
не добавь мне печали.
На свирели своей
не играй пасторали.
На любовной дуде,
как на шалой воде
мчишь к большому порогу.
Там, в предсмертном бреду,
на последнем суде,
встану к Вышнему Богу.
Глубина-глупина,
ворожишь и бормочешь,
что еще от меня
взять, в особинку, хочешь?

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Соблазн, конечно, был велик.
Зимой и летом
я шел, как водиться
к тебе
с большим букетом.
Кто песни воеет,
кто - молчит,
а я - страдаю.
Господь, спаси нас от Лолит,
стене, стенаю.
Но оттолкнувшись от стены,
иду навстречу...
Ах, эти розы!
Это Вы...
Ах, этот вечер!

* * *

Всё, как будто не так,
а на самом то деле,
то играет, чудак
на бужинной свирели.
Не с ружьем, а с бичом
охраняет скотину
в три калена бьет гром,
подставляй только спину!
Не могу совместить
бич и соло свирели
гром и шепот молитв
в час весенней капли.

.....

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

У дамы, роскошной во всех отношениях,
сидит на коленях сиамская кошка.
Они – одиноки...
Напротив – окошко,
да ваза,
а в вазе - десертная ложка
завязла в кровавом сиропе варенья...
Варенье не трону
и кошку – не трону,
а трону твои истомленные груди...
О, время утраты!
О, голос остуды!
И жадная память по всхлипам и стону.
Я руку сквозь вырез широкий просунул,
коснулся сосков пламеневшей ладонью...
Но сонная кошка...
и с одури сонной
когтями
меня,
по щеке полоснула...
Не ладное дело,
не ладом сложилось...
Когда б не щека
Все, казалось – приснилось.

ОСЕННИЕ СТИХИ

Выцвели очи твои
 златокудрые волосы
 ветра свирепость
 сорвала...

Поздняя осень,
 зачем ты глядишь в мою душу?
Сушишь её для чего?
Здесь, под крылом сеновала,
 лежим мы с тобою
 в обнимку...

Слышу,
 как ветер мне в уши
 бормочет забавную сказку:
 будто была ты
 когда-то кудрявой девчонкой
 по имени Нинка...

Будто с тобой целовался на пасху
 под этой постройкой...

Видишь, какую нелепость
 мне ветер шепнул осторожно?
Ты остуди,
 рассуди -
 как такое возможно?

* * *

Глянешь – наследуешь крайние сущности
града и грома!

Всё что нам было судьбою отпущено –
горит как солома.

Всё, что в былом называлось не правдою -
ныне не ложно.

Милая, милая, что ж наша радуга
светит тревожно?

Сердцу уставшему дай просветление
звездная осень.

Все мы цветы по срывали,
а терние, тоже, мы скосим.

Будет над миром
сиять неустанно Стожары.

Ходит любовь по квартирам,
а в руки дается не даром!

* * *

Знаю, спросишь с меня осень,
как не спросишь ни с кого!
Ты бредешь и бредишь, осень,
превращаешь сок в вино.
Бредишь тем,
что неизбежен
поворот в моей судьбе.
Был я дерзок, и небрежен
ни к тебе одной,
к себе!
И за это небреженье
будет подстриг,
будет суд!
Ни какого снисхожденья
поздней осенью - не ждут!
Вот и я
не ожидаю снисхождения себе...
Долго, трудно увядаю...
Не огнем горю, а шаю...
Осень, на твоём суде.

* * *

*Осыпаются листья Евгения Стэнман,
пора мне...*

Павел Васильев, 1932 год

Все осыпались листья
и в саване снега
обгорелые кисти рябин,
стучат по решетке окна...
И расстрелы ночные, и тишь...
Всё закутано в саван из пухлого снега...
Нет!
Из тухлого снега!
Всё закутано в саван рябин!
О нелепость!
О, вера святая в нелепость!
В то, что нету расстрелов
и, правда святая – жива!

Страницы Памяти. М.Анохин

И не осень стучит,
и не листьев летит обгорелость,
а слова отлетают
и вечность нисходит в слова!
Ибо вечность – ничто!
Если нет сопричастности в слове...
Шел вчера юго-западный ветер в ладони трубя,
а сегодня в повозке
веселой расстрельной артели,
мои мертвые губы
опять призывали тебя.

* * *

Последние, в этом сезоне,
сгорают на клумбах цветы.
В погоне за солнцем,
в поклонах
смиренной своей доброты.
Гляжу и – мне хочется плакать!
Я дерзость в смиренье облек.
Все годы скатились на Запад,
хоть шел я всегда на Восток.
У этих, восточных пределов,
где ржавая пена морей;
я выковал волю и тело
для самых надежных цепей.
Те цепи не трут и не давят,
не слышен их тягостный звон,
а только беззвучно рыдают
над тайной пространств и времен.

ИСТУКАНУ

Ни кто не обрящет фигуры дородней, чем эта.
Ни кто высоты не посмеет иной предложить.
Давайте не будем лить брагу за ворот поэта.
И даже окурки не станем о голое темя тушить!

ТОРГОВЕЦ НАРКОТИКАМИ

"Покупайте наркотики!
Рай и блаженство!
Берите на выбор;
 вот грамм - за сто!
Кто там кричит,
 что это - злодейство?
Вам хорошо и мне - хорошо!
Покупайте наркотики!
В розовых грезах,
 будите равными Всевышне-му...
Это ничего, что сейчас на рожах,
 равнодушие ко все-му,
Покупайте наркотики!
На разлив
 и пачками!
Пейте!
Курите!
В водите в вены!
Миг блаженства - на дни неудач!
Вырывайтесь!
Вырывайтесь из обыденности плена!
Я - торговец наркотиками!
Я - радугу снов вам дарю!

Куда до меня Адриатики,
или Гавайской экзотики,
купите наркотики,
наркоту!

А если вас будущее смущает,
не думайте о будущем - его нет!
Вы миг всесияния получаете,
а я получаю россыпь монет.

Берите наркотики, налетайте!
За ваши слезы я радость дам.
Употребляйте наркотики,
употребляйте!

А ваши деньги
употреблю я сам.

* * *

Я по Чекету шел.
Внезапно стон
из пропасти,
как дух беды поднялся.
Мне показалось - вздрогнул перевал
и черный коршун с кедрача сорвался,
в когтях он солнце тусклое держал.
Маральник губы протянул ко мне,
но капелька росы не освежила.
Чекет-аман готовился к грозе...
Уж молния на подступах разила.
Простил грозу.
И всепрощеньем мучась,
готов простить и друга,
и врага!
Но этот стон!

Спрессованный в века,
что шел из недр
и прорывался к тучи?
Я стоном и грозю потрясен.
Не выпускает время из объятий,
мне слышен шаг -
тяжелый
конных ратий,
и карканье
нажравшихся ворон.
А перевал закутался во мглу
и осыпались камни под ногами...
Акация царапалась шипами,
а скорпион
оттачивал иглу.

* * *

Время полета сов.
Листы мои все - чисты.
Нет ни каких стихов,
 перед глазами - ты.
Сколько прошел дорог?
Сколько я видел зла?
Сердце не уберег,
 а сердце мне ты дала.
Я не жалел себя;
 в стужу и зной,
 и град.
Разве любовь слепа,
 раз привела назад?
Под этот высокий кров,
 где ты родила меня,
 не лучшего из сынов,
 мама моя.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

Не все ль равно, о чем лепечет клен,
когда его, пометив на порубку,
лесник спокойно выбивает трубку
постукивая ею о ладонь?
Да - это будут жаркие дрова!
Но не о том же клен листвою лепечет?
Спокойно, друг и человек не вечен
имеет смерть и на него права.
Но разве ж будет легче от того
что с деревом сумеешь объясниться?
В лесу печально прокричала птица
я на работе - только и всего...
Точу топор и думаю:
- Есть власть и надо мной
и вот, над этим кленом...
Деревья тоже падают и стонут
но выбора им нет, - за что упасть.

ПЕСНЕ «КАХОВКА»

Ты будешь вечно в памяти
а память та светла...
Далекая гражданская,
романтика седла.
Я помню как в ребячестве.
врубаясь в лопухи
все отвергая начисто
я вас твердил, - стихи.
И пороха не нюхавший
и жизни не вкусив
как истребитель суховский
один тянул мотив...
За далью лет, за сеевом
искристых вьюжных зим
Светлова и Асеева
нам голос различим....
Мой сын в репейник врубиться
на бешеном скаку
и он - уверен - влюбитя
в зовущую строку.

СТИХИ О СПОКОЙНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Живи, спокойный человек,
едва ль не самый нужный в мире
в благоустроенной квартире,
благоустроенный - на век.

Ты нужен, как баланс в весах
и как балласт на пароходе,
чтобы без груза - в непогоду
не обуял команду страх.

Ты нужен в разных мелочах.
И все ж не ты ведешь корабль
не ты смещаешь нить отвеса.

Такой надуманности веса,
нет в быстроходных катерах.

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Постепенным вхождением в жизнь,
как в холодную воду,
просветлением оптики,
точной конструкцией линз
проникаем в глубины Вселенной,
себя постигаем,
свою улучшаем породу.

Так ли жили до нас?

Так ли будет и впредь?

Дальнозоркая муза истории Клио
на огне нашей памяти,
звонкую бронзу и медь
в зеркала переплавит,
чтоб видели всё мы,
правдиво.

В постепенном скольжении,
к пропасти,
в бездну обрыва,
осознаем себя,
своё место в конструкции звезд
и в дыханье природы.

Страницы Памяти. М. Анохин

Свой космический дом,
свою хрупкую твердь корабля
сохраним и упрочим
при самой опасной погоде.

А иначе зачем
в этом мире и слезы,
и смех?

Для чего на костры восходили,
твердили,
что истина выше?

Для чего на себя принимали
чужое гноище и грех?

Не затем ли,
чтобы правда стояла
у входа
в любое жилище?

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Отступаю везде,
по всему отведенному фронту:
возвращаются письма,
стихи кровоточат в столе.

Ипподромная лошадь,
привыкшая к стеку и корду,
я, срываясь ночами,
бегу
по гудящей земле.

По иркутской бегу,
Забайкальской,
Амурской
и дальше,
там,
где колокол вторит хатынскому
в скорби своей.

Через воды Великого
к той,
обездушенной фальши,
под стволы
трехдюймовых,
морских батарей.

Страницы Памяти. М. Анохин

Слышу стоны земные,
подвижки в глубинных разломах,
и пульсацию нефти,
и взлеты тяжелых ракет.

Слышу я,
как растут
на бетонных корнях,
космодромы
и как совесть бессонная,
с разумом, держит совет.

Но и третьих не жду петухов,
возвращаюсь опять к ипподрому.

И опять,
то барьеры,
то ямы с водою,
то корд.

И газеты жую,
наживаю тоску и истому,
и в ухмылке кривлю,
удилами разорванный, рот.

Страницы Памяти. М. Анохин

* * *

«Мы тут живем умно и некрасиво»

Н. Заболотский

Я тут живу,
как в бочке Диоген:
внутри – свободен,
внешне – павший в плен.
Гласят мне обстоятельства о том,
что все пройдет но,
после
и потом.
Что перемена враз произойдет,
что внешняя преграда – упадет,
зато внутри, где в сердце бьётся – «Я»
гнездо совет гремучая змея.
И будет жизнь кошмарней, чем была...
О, это старость встала у стола!
Прокаркала, как ворон горделиво:
«Ты будешь жить умно, но некрасиво».

* * *

Всё сбивается в кучу
в громко воющий ком.
В грязно-струйную тучу
за ближайшим углом...
И от этого – тошно,
что не грозы с небес,
а ничтожный и пошлый
надсмехается бес.
То ворчит.
то курлычет,
то пророчить зачнет.
То ребенком захнычет
у соседских ворот...
И над всем этим хламом,
как невесты – в парче:
храмы божие,
храмы
в златоглавом венце.

Страницы Памяти. М.Анохин

Золотая работа –
 остро режет глаза.
- Осторожно...
- Но кто ты?
- Я, невинных слеза...
 не обида, не зависть –
 искупление зла.
Я, пока еще – завязь.
Я не мед, но пчела...»
Отшептало и, - смолкло.
Отлетело и, – тишь.
Лишь в протертые стекла
 бьет летучая мышь.
В бледно-мертвенном свете
 площадных фонарей
 волчий стайкою дети
 загрызают зверей...

* * *

Величественно и нежно
 плывут надо мной облака...
Жаркая ты
 и снежная
 беспокойная ты - Земля!
Грозами лечишь всходы,
Встречами - лечишь боль,
Проходят поветрием моды,
 но остается
 соль.

* * *

Я часто вспоминаю тех,
кого уж нет
и кто — далече.
Кому-то время раны лечит,
а мне приносит уйму бед.
Острее стало
жало смерти,
наглей — порок,
похабней — стыд...
Душа от ужаса вопит:
куда не гляну,
вижу — черти,
как будто списаны с Лолит.

ПАРОДИЯ

«Я достаю из широких штанин...»

В. Маяковский

Я – гражданин
достаю из штанин
огромную корку арбуза.
Вгрызаюсь в неё
и сквозь хруст говорю:
завидуйте -- я из Союза!

* * *

Весна постучала в окошко
засохшим кленовым листом.
Проснулись букашка и мошка
и кружатся перед лицом.
Стараются выстегнуть очи,
чтоб капельку выбить слезы.
А ночи намного короче
чем взлет в небеса стрекозы.

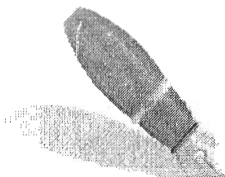
* * *

Магазины книжные закрыты
водкою торгуют все подряд.
Критики, поэты и завлиты,
о былом величии скорбят.
Широко раскинулась культура,
оттопырив свой павлиний зад:
«Пушкина под нож – макулатура», -
новые шаманы говорят.
Я стою поодаль от прогресса
не пускаюсь с молодыми в пляс.
Будь проклята дьявольская месса
В этот и любой такой же час.

ВОПРОС ПРОСТ, ДА ОТВЕТА НЕТ

Прожигаю жизнь бездарно!
И напрасно день за днем,
мысль бесплодно и коварно
мне талдычит об одном:
понапрасну жизнь прожита
в беспредельной пустоте,
что не пролито – пропито,
что не проклято – забыто,
всё, что делал – в суете.
Перед небом, где бы не был
оправдания мне нет.
Я ведь ведал, чем обедал
из чьих бед был мой обед.
Понапрасну жизнь прожита,
всё что сделано, то прах.
У разбитого корыта
я остался – старый хряк!

ПОЛЫННАЯ ПАМЯТЬ
(Поэма в стихах)

Каплет синее небо
светом умерших звезд
в песни, сказки и небыль.
С неба много ль возьмешь?
Небо-танец созвездий,
вековечная пыль.
Небу, что наши песни
и курганы могил?
Нас не ждут звездолеты
ни в близи,
ни в дали.
И не спросят нас:
кто ты,
повелитель Земли.

Страницы Памяти. М.Анохин

-2-

Солнце зноем палило.
Степь. Ни деревца нет.
Здесь, в кургане, отрыли
потемневший браслет.
Он был вылит из бронзы:
свирепый и чувственный зверь.
Он зубами вгрызался
в своё удлиненное тело.
И, казалось, оно как гадюка шипела,
болью спущенных шкур
и грядущих потерь.

-3-

Прохожу по музею
и прошлое здесь, за плечами,
и стеклянным витринам
его ни почем не сдержать.
Ты идешь со мной рядом,
могу я твоими глазами
словно грифелем черным
историю всю написать.

Страницы Памяти. М. Анохин

- 4 -

Дай мне время отвагу
а сердцу – глубинное зренье,
чтобы мог не фальшивя
в глазах у тебя прочитать:
становленье народов
прозрение их,
озверенье,
и понять хоть немного
пространства, открытого,
власть.

Смугловатая кожа
загар сохранила навечно
обожженных, ковыльных степей.

Что ты, девушка, ищешь?
Здесь прошлая вечность.
Ты смотри ей в глаза,
ты смотри – не робей!

Мы с тобою – родня.
Если нет – от чего же
ходим в смутной тревоге
по залам исчезнувших лет?

Тебя высмуглил ветер,
от берез так светла моя кожа,
но у сердца один
не смываемый цвет.

Страницы Памяти. М.Анохин

Я б легенду тебе рассказал –
красоты не бывалой!
Как родилась любовь,
и как звездным цветком проросла.
И сказали тогда мудрецы:
«Это жало
показала Земля.
Где любовь – там и смерть».
Так познали народы
ослепление чувством
и были возвышены им.
То не кони летели,
а копьями рваные годы.
Кто вчера разрушал,
тот немеет у пыльных витрин.

- 5 -

Погляди – красотища!
В синем сумраке – дым!
На морозе усища
отрастила полынь.
Иней!
Иней повсюду!

На посохшей траве
 скатерть равная чуду
 в ледяном серебре.
Здесь у кромки восхода —
 перекресток земли.
Сотни сотен народов
 степь с мечами прошли.
Быстролетные кони,
 их стремительный бег.
От оружия — мозоли,
 дым на кончиках век.

-6-

Легендами вспороты дали...
Но там, за простором степей,
 слышал Аттила — брэнчали
 рабы бубенцами цепей.
Текло молоко кобылицы
 в пушком отороченный рот...
Не спиться ему
 все сниться
 другой,
 не похожий народ.

Видел, вставали храмы
с легкостью облаков.
И пламя – лохматое знамя
над стенами городов.
И вот, когда солнце всходило,
а дикая вызрела рож
владыкою гуннов - Атиллой
из ножен был выхвачен нож.

АТТИЛА:

Я обещаю землю
Мочей моего коня
В тело её посею
Желтые семена.

* * *

Летели кочевников орды,
как пыльные бури в степях.
Их кони, на взмыленных мордах
несли необузданный страх.
Падали стрелы их густо,
а трупы валялись в пыли
На Запад, на Запад, на Запад
лавиною кони их шли.

* * *

Тарахтели повозки,
орали с надрывом верблюды.
То по лону земли
шли за солнцем своим племена.
Звезды гасли
и старились люди
- это будет всегда.
Колесо их повозок
в турбины ракет превратились,
а ковыльная степь
развернулась Млечным путем.
Кровь
пролитая кровь
о сопло колотилась,
а ракеты так схожи по форме с копьём.

Песня кочевника

Заневолю я Землю
арканом своим.
Подомну её голову
под калено.

И окрасит Восток
напряженная шейная вена
когда я её вскрою кинжалом своим.
Тонконогие кони,
с посвистом – стрела!
И погоня,
Погоня,
Погоня!
А на плоской земле
лишь моя голова
в лисьей шапке
качается сонно.

-7-

Был обычай такой:
оставляли лишь жен.
Уводили добычу
в бескрайние степи.
Та, что телом пышней
та, чьи волосы – сон
обнажала округлые плечи.
А кочевник сидел,
он глазел.
он глупел.

Страницы Памяти. М. Анохин

Красоты небывалой
глаза, что озера.
И всей желтою кожей
серел
и бледнел
и дрожал лихорадкою вора.

-8-

Был Сарап награжден...
Он владел красотой,
что могла расцвести
среди стройных берез.
Он её называл:
«Дорогою женою».
Пуще плавленных смол
он боялся Любавиных слез.
Хан её научил
бить стрелой ожиревшую птицу.
Словно ветер лететь
зарываясь в гриву лицом,
но не мог научить
петь гортанные песни,
что поют у костров,
запивая полынью
и чабрецом.

Молитва Любавы

Бог Ярило
солнце одарило
землю ковром.
Мила не мила
жизнь — постыла
в краю чужом.
Зачала в чреве,
под сердцем ношу
волчье семя
на родных грозу.
Дыму виться
огню скакать,
мне бы птицей
на время стать.
Лететь на Север,
где синь озер,
где хвою стелет
звончатый бор.

* * *

Сын родился горласт,
узкоглаз,
медногрудый.
Из пеленок тянулся
он к ножнам отца.
Только тонкою нитью
прочерчены губы
и углом не торчит
из-под кожи — скула.
Он усвоил науку
как стрелами испаривать вены.
На десятом году
с гиком зайца травил по степи...
Мать ему говорила
про алые в пламени стены.
Мать ему говорила...
и тихо шептала:
- Прости.

-9-

Горит огонь
камень плачет,
а как иначе?

Строг бог огня
 кузнец - суров.
Три дня три ночи -
 дверь на засов.
Он знает тайну
 тяжелых руд.
В печи и венах
 гул,
 гуд.
Желтый браслет
 счастья
 делает мастер.
Зло пожирающее себя
 суть – судьба.

* * *

И Любава надела браслет
 на железную руку Сарапа
И сказала ему:
 - Пусть хранит тебя свет.
Погляди, как когтиста
 у зверя могучая лапа.
От него нет пощады,
 спасения – нет.

Он тогда засмеялся
раскатисто – гром перед ливнем.
Закачалась земля
под расшитым его сапогом.
Клялся сердцем своим,
клялся туром свирепым и сильным,
клялся теплым, грудным
материнским её молоком.
Что он – вечен, как бык
на густом травостое.
Алой крови его
не увидеть врагам.
Но все ж чашу кумыса
однажды на тое
незаметно он вылили в огонь –
как подарок богам.

САРАП

Сын пойдет за добычей,
пора ему крови напиться.
видеть печень врага...
Ты богам помолись своим,
мать.

Страницы Памяти. М.Анохин

Глянь,
на кончике пики
мотается черная птица,
Её надо в крови искупать.

* * *

Но она увела...
Так волчица уводит волчонка,
из обложенных алыми флагами нор.
А потом на коня...
креплю крылья её соколенка
и смыкался за ними
широкими лапами бор.
Так, наверное, рады бывают
из клеток, летящие птицы.
И глаза ненасытные жаждут
и ждут синевы.
Разве можно свободой
за жизнь человеческую напиться?
Воля!
Вольная воля
бунтуй в непокорной крови.

-10-

Обнаженные плечи,
а груди – большие пиалы.
Аттила сидит привалясь на кошму:
- Почему это губы
у баб белокожих так алы.
Я хочу тебя нынче – сказал,
- да, хочу.
- Скажи Сарап,
ты женщину любил,
когда был юн
и хмель в тебе бродил?

САРАП

Мы братья по крови с тобой Аттила,
Но женщина во мне меня убила.
Потом – изменой я себя добил.
Мертвец я дважды...

АТТИЛА

Не воин ты,
а червь в помете война.
Не мог ты в битве
умереть достойно
и вот в плену...

Твой жалкий вид напомнил мне дугу...
Дуга есть символ рабства
привыканья
и присмыканья...
Я в лихости свободу нахожу.

САРАП

- Свобода многолика
словно боги.
Свобода – это горные отроги
степей ладони
и полынный ветер.
Свобода – умереть.
Свобода – биться в кровь,
но не свобода женская любовь.
Я воин был.
Вот видишь руки?
Видишь ветви жил?
Я меч тяжелый на боку носил.
Взгляни на грудь.
Вот шрамы...
счета нет.
Меня сгубил мой талисман – браслет.

Ты знаешь,
летом, в поле
трава послушна воле скакуна.
Так баба покоряется мужчине,
но если в сердце у неё пустыня
она сожжет,
иль высушит до тла.

АТТИЛА

Ха! Ха! Браслет!
Довольно!
Баба! Баба!
А разве смерти бог,
из пепла и огня
Настолько плох?
Твоя рука – ослабла,
твоей ноге не встать на стремяна.

- 11 -

И вот одряхлевший старец
Внуку глядит в лицо:
- Мир не имеет окраин
замкнут весь мир, как кольцо.
Гляди же
там – на восходе,
Родина есть твоя.

Страницы Памяти. М.Анохин

Без родины ты бесплоден
как выжженная земля.
Великое дело я начал —
тебе его продолжать.
Там, за горами,
богаче города не сыскать.
Я дал тебе своё имя
из праха вырвал могил,
пусть говорят — Аттила
завоевал весь мир!
Но есть и иная истина...
Я землю познать хотел,
но осужден был выстелить
свой путь
оперением стрел.
Властитель — он волю народа
переводит в закон.
Тяжестью зрелого плода,
отягощен мой трон.
Есть город на юге.
Ромулом и Ремом
построен он.
Там женщины легче вьюги
проносятся меж колонн.

Страницы Памяти. М.Анохин

Ты видишь, я очень старый
не оседлаю коня.
Не старческими глазами
римлян смотреть города.
Я дал тебе это имя
из праха вырвал могил.
Пусть говорят – Аттила
завоевал весь мир.

-12-

Кричали ораторы Рима:
- Гуннов,
Гуннов ведет
жестокий и сильный народ
закованный в бронзу Аттила!
И с портиков
И подмостков
Неслось во все концы:
- Варвары! Гунны! Гунны!
Беретесь за мечи!
За стенами ожидают
Нас свежие рабы!

Страницы Памяти. М.Анохин

* * *

Хочешь быть патрицием
оборванный плебей
бери свой щит залатанный
скорей!

Скорей!

Скорей!

А после – в Колизеи
Кровавый будет пир!
На битву поглазеем
И будет нашим мир!

-13-

Полынь, полынь
ты горечью степей
пропитывала воздух до предела...
Степь в первый раз
в глаза мои глядела
курганами своих богатырей.

-14-

Вот когда породнился с тобою
полынная память.
От того ты седая,
что столько веков протекло.

Страницы Памяти. М.Анохин

Я кружусь над тобой
твою боль на себя принимаю.
Айналайн,
ты уздечкой бренчала
и выла жестокой пургой.
Хур-ра- гах!
Шли твои кони,
и рушились стены.
Кровью предков твоих и моих
орошалась земля.
Видишь
сколько веков
мы с тобой родные по крови.
Неужели, любимая
это пропало?
Всё зря?
С рубежей безымянных
до Калки, Непрявды и Волги
наша кровь,
наши кости
лежат вперемешку в земле.
Разве мало над нами вороны кружили
и плакали волки?
Неужели затем – успокоится в общем, костре?

Страницы Памяти. М.Анохин

По музею иду
и,
вдруг, вижу
глядит из витрины
нет – не череп!
А тот, кто повел на закат племена.
И, мне кажется, слышу?
- Невинны мы были
невинны.
И уже едва слышно:
- Вина это наша, вина.

1967-1985 гг.

Страницы Памяти. М.Анохин

Содержание

Предисловие	5
Ветер сидел на крыше,	8
Мама, погляди	9
Вечер придет и уйдет	10
Проходите, а я не замечаю.	11
Видишь небо в краске синей-синей	12
Разрыв-траву найду	13
Вот и выпит кубок чувства.	14
Огромное алое солнце катилась по горным вершинам	15
Сеют тучи сквозь сита	16
Прежде камень кололи,	17
А комета летела	18
Застонало дерево украдкой,	19
Земля вращается - на встречу солнцу.	20
Лужи застыли до сладкого хруста,	21
Бывает час, когда гроза идет,	22
Рябина горькая	23
Антиалкогольное	24
Подражание Сергею Есенину	25
Шаганэ ты моя Шаганэ,	26
Собачья жизнь	27
Помню – коса скакала	28
В землю врезались лемеха	29
На охоте	30
Брату	32
Синее, синее утро	33
Тополь	34
Мужество	36

Страницы Памяти. М.Анохин

В лето 1946-тое,	37
Правилась в глазах зеленых – кротость.	38
Нет ни ревности,	41
Я на меню столовой-ресторана	42
Остались мне облюбки и объедки	43
Люблю цветы, особенно весной.	44
Укачало пшеницу в ладонях рассвета	45
Ломали дом и в спешке,	46
Чистейший снег, товарищи, упал!	47
Знаю точно, стихов о любви - не бывает.	48
Вы видели воду стесненную серым гранитом,	49
Сытому - голодный не опора,	50
АЯ	51
Лес прозрачней твоей косынки	54
Вокруг - одно болото!	55
Там на кочках болотных	56
Было время,	57
Чайные розы!	59
Совесьь	60
Былое	61
Потянуло в деревню:	63
Там камень осыпался под ногами.	65
Шестое чувство - это совесьь.	67
Так я живу от дремы и до гнева:	68
Ни чего не значит, если скрипка плачет,	69
На уровне моря стихи написал,	70
Я многое разного видел,	71
Памяти Варлаама Шаламова	72
Выть на Волгу, на Дон, Украину	74

Страницы Памяти. М.Анохин

Нет, Гамлет, нет! Вопрос не так стоит!	75
Дионис	77
Под старость лет	79
Отлетала угрюмая птица	81
В полнолуние, летала птица,	82
Из неудачников - удачлив.	83
Ты играешь словами,	84
Каждый знает себе цену,	85
Заматерел и стал ты не такой,	87
Приведение	89
Заехал с Володиным,	90
Про ханский плен	92
О аче и самогоне	93
В бреду бормочет старая война.	94
Задохнувшись от знойного ветра.	96
Но много горше терниев терцины	98
Обломки	99
Смейтесь, иначе придется вам плакать.	102
Приходит срок - присматриваешь гроб	103
С отпусков возвращаются люди	104
Века бегут и уплотняют время	105
О прогрессе - ни слова!	106
С января по февраль-месяц	108
Не раз, не два я вспоминал Калары!	109
Если около кола	111
Что женщина?	112
Когда я тебе говорю: "Обожди..."	113
Муза проказница	114
Отступаем, вельможа!	115

Страницы Памяти. М. Анохин

Не правы эти, и не правы - те	116
Перемен хочу, Перемен!	117
Жили-были караси во пруду,	119
На все эти странные вещи:	120
Всё черное течет из черноты	121
Встречайте рассветы, веселые люди!	122
Когда на улице темно,	123
Корни Вечной Горы пьют горячую магму Земли.	124
Я снова о том:	125
В чем жизни смысл?	126
Говорите: "Вы богаты..."	127
Я башню из кости слоновой	128
Посмотри-ка, какая беда	129
Крапива, крапива, крапива! -	130
Когда соединенные планеты,	131
Облака проплывают комочками ваты	132
Пишу статьи озлобясь "темой дня"	134
Великие пророчества падут,	135
Текущий счет - бегущая вода,	136
Становлюсь я нехорошим;	137
Не к Эллинам, к Ассирии идем!	139
А потом, а потом, а потом...	142
Что время перед вечностью?	143
Год 1960	144
Это было золотое время,	144
Я из времени выпадаю	146
Скука, скука	148
Все скучно и пошло.	149
У Наташки - дерзкие замашки,	150

Страницы Памяти. М.Анохин

Там был устроен "Скотный двор",	151
Черные пятна бурьяна	152
Аожди идут. Холодные дожди	154
Холодная трезвость - ты скальпель рассудка!	155
Залетела пчела между стеклами рам,	157
Сердце болит.	158
«Сидели звери у двери...»	159
«Осторожно, двери закрываются».	159
Сахар был сладок и горькой полынь	160
Тишина	162
Защищается серость	167
Срывается с крыш и балконов капель,	168
Мадам, ведешь себя нахально!	169
Ни кого не нужно слушать,	171
Черти в омутах - птицы в небе	172
Дело одно есть,	175
Сижу, подкарауливаю слово,	177
Дожди и грозы,	178
Жалость - жалит.	179
Эту девушку не любил я.	181
В этом домике скромном	182
Какое счастье в тающих снегах	184
Закрой мне очи светлый ангел мой,	185
Заговариваю, говорю... ..	186
Играть нечего!	187
Жизнь пройдет, как проходит лето:	188
Ветер, ветер перемен,	190
Секущий снег.	191
Здравствуйте!	193

Страницы Памяти. М. Анохин

- Осока, осока, не ходи далеко...	195
Ироническое	197
Так красив этот розовый куст,	198
Реплика в споре	199
Плывет луна, как желтый щит монгола,	200
- Лебедя плывут! Лебедя!	201
В мансарде, за столиком грязным,	202
Трещат над осокой стрекозы	203
Застыли как древние мухи	204
В день третий,	205
Хрустит в зубах ледышка-карамель,	206
Чего ты хочешь, Бельмондо?	207
Восьмерки сыграют заглавную роль,	208
Там сигара горит во рту	209
На зеленом сукне изумруд.	210
Чадят огромные костры,	211
Слишком много чего такого	212
И истина,	214
- Все! Все не так!	215
Подражание Овидию	217
Мы переходим к осени, к зиме,	218
Так любить и так ненавидеть	219
Это странное чувство,	220
Какие-то силы и власти	221
Схороните меня по быстрому,	222
Этот месяц ятаганом висит,	223
Ты - желанная	224
Танго, аргентинское танго	225
Посреди бетонных стен,	226

Страницы Памяти. М. Анохин

Бесстрастно, просто, равнодушно	227
Ты играла мне на гитаре,	229
Там, где были слова и рассудок,	231
Травка зеленеет	232
Найдя приют у стен причала,	233
Полынь перезрела и желтой пылью	234
Целый месяц выводит на случку	235
Честно ли прожил я жизнь, иль лукавил?	236
Смейтесь, иначе придется вам плакать.	238
Бледные устрицы моря	239
Как редко я смотрю на звезды	240
Крутиться вертится, пляской разорванный	241
В глубину-глушину я иду осторожно.	243
Соблазн, конечно, был велик.	244
Всё, как будто не так,	245
У дамы, роскошной во всех отношениях,	246
Осенние стихи	247
Глянешь – наследуешь крайние сущности	248
Знаю, спросишь с меня осень,	249
Все осыпались листья	250
Последние, в этом сезоне,	252
Истукану	253
Торговец наркотиками	254
Я по Чекету шел.	256
Время полета сов.	258
Не все ль равно, о чем лепечет клен,	259
Песне «Каховка»	260
Стихи о спокойном человеке	261
Постепенным вхождением в жизнь,	262

Страницы Памяти. М.Анохин

Отступаю везде,	264
Я тут живу,	266
Всё сбивается в кучу	267
Величественно и нежно	269
Я часто вспоминаю тех,	270
Пародия	271
Весна постучала в окошко	272
Магазины книжные закрыты	273
Вопрос прост, да ответа нет	274
Прожигаю жизнь бездарно!	274
Полынная память	275

